

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DH

DK511

M6

U43

Y 51

БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ЛИЦЕЯ
ВЪ ПАВЛОВЪ ПЕСАДЪ НА ЧАНИКОДЪ

Шкафъ VI
Полка № 1
№ 1246

№ 18854 / 42
Первый Помощник по Дресс-Коду

БИБЛІОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ КУРСОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Лицея
въ память ЦЕСПРЕВИЧА НИКОЛАЯ

.....

.....

.....

В. Уляницкій.

МЕЖДУКНЯЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

В О

ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ

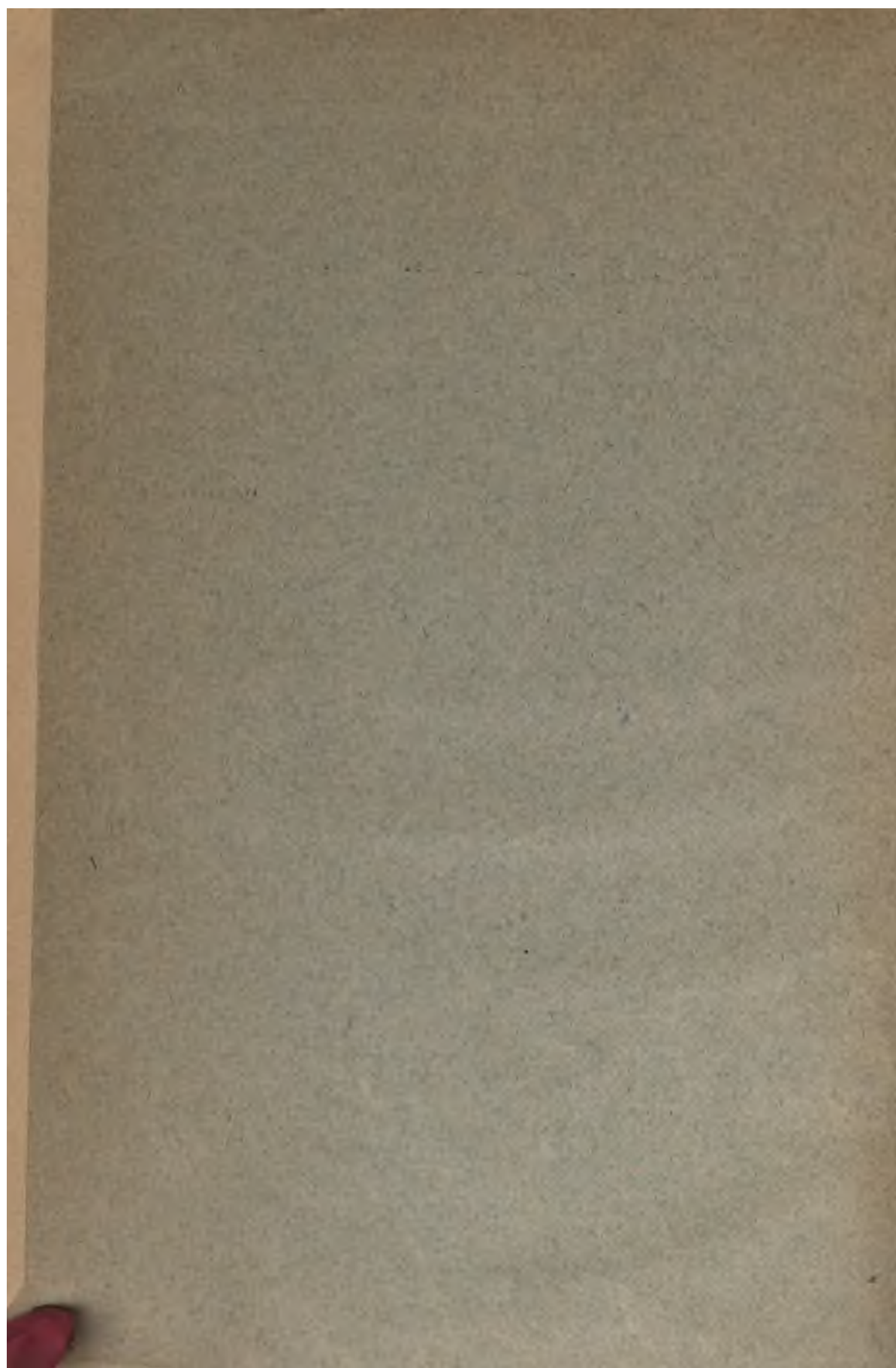
въ XIV — XV в.

(Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ).

МОСКВА.

1893.

№ 2451.

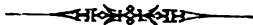
УЛЯНИЦКІЙ В. А.

Международныя отношенія во Владимиро-Московскомъ вел. княжествѣ въ XIV—XV вв. (Къ вопросу о „двуименныхъ“ или „союзныхъ“ деньгахъ). Дѣйств. Чл. В. А. Уляницкаго. (Изъ Читеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за 1893 г., кн. IV, томъ 167).

Москва, въ Университетской типографіи, 1893 г., 8°, стр. 54.

въ XIV — XV в.

(Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ:

Разборъ изслѣдованія А. Карзинкина: Матеріалы для русской нумизматики. Изслѣдованіе междунѣкскихъ отношеній въ XIV—XV вв. Изслѣдованіе двуименныхъ монетъ вел. кн. Василя Васильевича.

В. Уляницкій.

МЕЖДУКНЯЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

В О

ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ

ВЪ XIV — XV В.

(Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

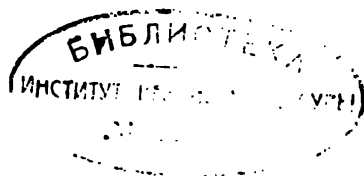
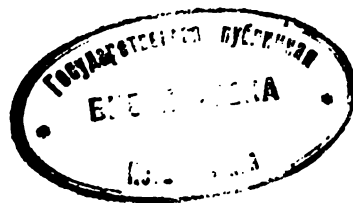
1893.

IV

З.С.
4186.

19

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйст. Члена В. А. Уляницкаго.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Въ настоящее время полнаго застоя въ изученіи нашей нумизматики Владиміро-Московского періода весьма отрадно появленіе всякаго труда, задающагося цѣлью серьезнаго ея изученія. Къ числу такихъ метеоровъ въ этой темной донинѣ области нашей археологіи мы относимъ появившійся недавно первый выпускъ *Матеріаловъ по Русской нумизматикѣ* молодого нашего нумизмата-теоретика А. А. Карзинкина. Авторъ помѣстилъ въ этомъ выпускѣ два изслѣдованія, посвященныхъ нашей нумизматикѣ XV в., изъ коихъ первое занимается вопросомъ: „О монетахъ съ именами двухъ князей или о т. наз. „союзныхъ монетахъ“, т. е. о монетахъ, имѣющихъ на одной сторонѣ имя вел. кн. Василя Васильевича, а на другой—имена нѣкоторыхъ изъ удѣльныхъ князей Московскихъ (Андрея Дмитріевича (1389—1432) и Ивана Андреевича (1432—1454) можайскихъ, Семена Владиміровича серпуховскаго (1410—1426), Петра Дмитріевича дмитровскаго (1389—1428) и Юрія Дмитріевича (1389—1434) и Дмитрія Юрьевича (1434—1453) галицкихъ) и одного князя ярославскаго—Александра Ѳеодоровича (1432—1471).

Задача, которую ставитъ себѣ авторъ—объяснить появленіе этихъ двуименныхъ монетъ.

Перечисливъ опубликованные донинѣ экземпляры двуименныхъ монетъ и указавъ на высказанныя объ нихъ мнѣнія Черткова и гр. Чапскаго, авторъ ставитъ вопросъ о поводахъ появленія этихъ монетъ. Для разрѣшенія этого вопроса онъ совершенно основательно обращается къ исторіи и „въ виду того, что періодъ ихъ чеканки совпадаетъ съ періодомъ уничтоженія самостоятельности удѣловъ Москвы“, выражаетъ мнѣніе (стр. 10), что „объясненіе повода чеканки двуименныхъ монетъ нужно искать въ общемъ ходѣ исторіи Московскаго вел. княжества въ связи съ исторіею его удѣловъ и во взаимныхъ отношеніяхъ вел. кн. Московскаго къ его удѣльнымъ князьямъ“. Мы видимъ, что вопросъ поставленъ авторомъ на совершенно правильную историческую почву. Къ сожалѣнію, нельзя однако сказать, чтобы поставленная авторомъ тема была имъ правильно и разработана.

Какъ извѣстно, главнымъ матеріаломъ для сужденія о между-княжескихъ отношеніяхъ конца XIV в. являются сохранившіеся до нашего времени княжескія грамоты и договоры, какъ дополненія къ лѣтописнымъ сказаніямъ. Къ грамотамъ этимъ авторъ и обращается, но пользуется ими не вполне удачно. Желая доказать, что власть и авторитетъ вел. князя Московскаго по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ съ теченіемъ времени увеличивались, авторъ для этого доказательства ссылается на тексты хронологически расположенныхъ будто бы имъ княжескихъ грамотъ. Между тѣмъ на провѣрку оказывается, что авторъ не только нарушаетъ хронологію, но что и тексты приведены далеко не всегда съ надлежащимъ вниманіемъ и историческою критикою, а вслѣдствіи этого рушится вся историческая часть его изслѣдованія.

Именно, авторъ начинаетъ съ духовной Ивана Калиты, причемъ говоритъ, что въ этой духовной „отношенія старшаго къ младшимъ“ князьямъ выражаются такъ: старшій долженъ быть „печальникомъ“ младшихъ, быть имъ „въ отца мѣсто“, „держатъ ихъ въ братствѣ безъ обиды“; въ скобкахъ ссылка: „См. Собр. Госуд. Гр. и Дог. I № 21⁴“. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ этой духовной вел. князь лишь приказываетъ своему сыну Симеону братью его молодшую и княгиню свою съ единственнымъ порученіемъ: „по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ“. Откуда же авторъ взялъ поставленные имъ въ кавычки выраженія: „въ отца мѣсто“ и о держаніи „въ братствѣ безъ обиды?“ Просматриваемъ духовныя великихъ князей и оказывается, что выраженія эти взяты изъ духовныхъ Донскаго и *Василья Темнаго* ¹⁾. А произошло это смѣшеніе повидимому оттого, что въ Русской Исторіи Бестужева-Рюмина на стр. 437—438 выраженія всѣхъ трехъ грамотъ соединены вмѣстѣ, хотя впрочемъ ссылки на самыя грамоты у Бестужева раздѣлены—духовная Калиты цитирована отдѣльно, а Донскаго и Темнаго отдѣльно.

Послѣ этой первой путаницы въ хронологіи слѣдуетъ вторая. Документомъ для характеристики *второй*, по мнѣнію автора, стадіи въ разростаніи власти Московскаго великаго князя авторъ выбираетъ *сто-*

¹⁾ Въ духовной Темнаго: „а вы, мои дѣти, живите за одинъ.... чтите и слушайте своего брата старѣйшаго Ивана въ мое мѣсто, своего отца, а сынъ мой Иванъ держитъ своего брата Юрья и свою братью меньшую въ братствѣ безъ обиды“. (С. Г. Гр. и Дог. № 86). То же въ духовной в. кн. Ивана Васильевича, по концѣ: „въ братствѣ и во чти безъ обиды“.

рой договоръ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1380 г. (С. Г. Гр. и Дог. № 33), постановлявшій: „быть вы за одинъ и имѣти ему (Владиміру) меня отцомъ, а сына моего кн. Василья—братомъ старшимъ, а кн. Юрья—братомъ, а дѣти мои меньшихъ—братъею молодшею“. Изъ этой цитаты въ связи съ предшествовавшею авторъ дѣлаетъ выводъ, что „во взаимныхъ отношеніяхъ признается авторитетъ старшаго въ родѣ и отъ него уже идетъ рядъ градацій по старшинству; на этомъ признаніи авторитета старшаго въ родѣ и ограничиваются пока обязанности младшихъ князей по отношенію къ старшему“. Прежде всего нужно замѣтить, что выводъ этотъ нисколько не соответствуетъ выраженіямъ документа, въ которомъ напротивъ родовыя отношенія и старшинство совершенно извращаются. Въ грамотѣ 1388 г. мы именно видимъ перенесеніе *терминовъ* родоваго старшинства въ политическія отношенія и искусственное измѣненіе этого старшинства; примѣнительно къ политическимъ отношеніямъ въ грамотѣ этой устанавливается (и замѣтимъ впервые) преимущество племянника передъ дядею: Донской признается отцомъ своего двоюроднаго брата, Василій Дмитріевичъ — старшимъ братомъ относительно своего дяди Владиміра Андреевича, слѣдующій сынъ Донскаго Юрій — равнымъ братомъ Владиміра и лишь младшіе сыновья Дмитрія — младшими братьями своего дяди. Затѣмъ ошибочно и мнѣніе автора, будто „на этомъ признаніи авторитета старшаго въ родѣ ограничиваются пока обязанности младшихъ князей по отношенію къ старшему“. Это признаніе „авторитета“ было вовсе не исключительно родственное, но выражалось и въ соответствующемъ *договорномъ* политическомъ подчиненіи и вообще въ политическихъ отношеніяхъ къ старшему князю, признаваемыхъ младшими, напр. въ обязательномъ участіи ихъ въ походахъ вел. князя, въ общности друзей и враговъ, въ обязательствахъ не сноситься самостоятельно съ ордой и т. п., какъ о томъ свидѣлствуютъ *все* договорныя грамоты не исключая и настоящей ¹⁾? Впрочемъ даже въ самой цитированной авторомъ грамотѣ, кромѣ приведеннаго авторомъ мѣста, отношенія Донскаго къ Владиміру опредѣляются еще слѣдующими словами: „а добра ти (Владиміру) мнѣ хотѣти и моимъ дѣтемъ во всемъ, а *служити ти мнѣ безъ послушанія*“.

¹⁾ Этимъ обстоятельствомъ, т. е. необходимостью юридически опредѣлять политическія, государственныя отношенія князей-родственниковъ, объясняется, конечно, и существованіе договоровъ между великими и удѣльными князьями. Характеристику договорныхъ, политическихъ отношеній князей см. у Сергіевича, Лекціи стр. 282, Чичерина, Опыты по ист. рус. права, 1881, стр. 117.

Идемъ далѣе. Охарактеризовавъ такимъ образомъ отношеніе вел. князя къ младшимъ князьямъ на основаніи духовной Калиты и договора 1388 г. авторъ продолжаетъ: „Позднѣе, въ договорѣ того же Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ и съ Васильемъ Ярославичемъ ¹⁾ встрѣчаемъ уже слѣдующія условія: „держати ти подо мною княженіе мое великое честно и грозно“ и „тобѣ, брату моему младшему мнѣ служить безъ ослушанія по згадцѣ (т. е. по соглашенію), а мнѣ тобѣ кормити по твоей службѣ“. Этою цитатою авторъ желаетъ показать *давнійшее* развитіе и усиленіе власти московскаго вел. князя. А между тѣмъ она взята изъ договора 1362 года и слѣд. на цѣлыхъ 26 лѣтъ старѣе договора 1388 г., который авторъ считаетъ больше мягкимъ. Впрочемъ это послѣднее мнѣніе автора основано на простомъ недоразумѣніи и недосмотрѣ, такъ какъ условіе о „службѣ безъ ослушанія“ мы находимъ одинаково въ обоихъ договорахъ, а о кормленіи по службѣ только въ болѣе раннемъ—1362 г., который авторъ считаетъ болѣе позднимъ и затѣмъ ни въ одномъ позднѣйшемъ договорѣ это послѣднее условіе уже не встрѣчается,—очевидно, какъ непримѣнимое къ отношеніямъ вел. князя къ удѣльнымъ. Впрочемъ мы думаемъ, что договоры Донскаго съ Владиміромъ едва ли могутъ даже быть признаны правильнымъ, нормальнымъ выраженіемъ отношеній вел. князя къ младшему, такъ какъ договоръ 1362 г. (болѣе строгій) былъ заключенъ, когда Дмитрію было 12, а Владиміру 9 лѣтъ, а договоръ 1388 г.—послѣ происходившаго между ними размирья. Въ самомъ дѣлѣ, въ договорахъ съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ в. кн. Василія Дмитріевича (№ 35 и 38) нѣтъ обязательства держать вел. князя грозно, вел. кн. обязывается держать Владиміра въ чести и братствѣ безъ обиды и Владиміръ освобождается даже отъ обязанности идти въ походъ, если не пойдетъ въ походъ и вел. князь, и условія этого договора стороны клялись исполнять за себя и за дѣтей своихъ. Можно привести и еще примѣры: въ договорѣ в. кн. Василія Дмитріевича съ братомъ его, кн. Юрьемъ Звенигородскимъ (ок. 1390 г.) мы читаемъ: „а тебя, князь великій, держати въ старшинствѣ по душевной грамотѣ отца своего; и тобѣ, князь великій, также меня держать въ братствѣ и во чти, безъ обиды, а

¹⁾ Донской умеръ въ 1389 г., а Василій Ярославичъ родился въ 1394 г. Впрочемъ въ Русской Исторіи Бестужева-Рюмина на стр. 439 въ примѣчаніи есть тоже подобная ссылка: „См. № 27, тоже въ договорѣ съ Васильемъ Ярославичемъ“, которая быть можетъ и привела автора къ злополучному мнѣнію, что Донской заключалъ договоръ съ Васильемъ Ярославичемъ.

меня ти жаловати и печаловатись мною и моею вотчиною“¹⁾. Въ подобныхъ же выраженіяхъ формулированы отношенія вел. князя къ удѣльнымъ и въ договорѣ Василя Дмитріевича съ его братьями Андреемъ и Петромъ (1405 г.)²⁾. Наконецъ, въ договорѣ в. кн. Василя Ивановича и сына его в. кн. Ивана съ братомъ его Юріемъ Ивановичемъ (24 авг. 1531 г.) читаемъ: „А намъ тебя жаловати и держати въ братствѣ и въ любви и во чти безъ обиды и печаловатися тобою и твоею отчиною“. (С. Г. Гр. и Д. № 160 — 161). Впрочемъ, изъ сличенія договоровъ, въ которыхъ этотъ терминъ употребленъ съ договорами, въ которыхъ его нѣтъ, мы видимъ, что въ нихъ условія почти одни и тѣ-же: на князей, которые обязывались держать вел. княженіе честно и грозно, не налагается никакихъ особенныхъ обязанностей; слѣд. выраженіе это заключало въ себѣ лишь призваніе нѣкотораго превосходства положенія: удѣльный князь обязывался лишь блюсти честь вел. князя, отдавать ему должный почетъ и бояться эту честь нарушить, бояться ее обидѣть, точно такъ же, какъ взаимно и вел. князь *всегда* обязывался держать удѣльнаго въ чести и не обидѣть его и его владѣній. Условіе было слѣд. обоюдное и на сторонѣ вел. князя былъ только бѣльшій почетъ, превосходство положенія, которое обозначалось и выраженіями болѣе почтительными.

Замѣтимъ еще, что авторъ придаетъ преувеличенное значеніе выраженіямъ договора, что Владиміръ Андреевичъ обязывался „служить безъ ослушанія“, и вел. князь обѣщалъ ему „кормить его по его службѣ“. Дѣло въ томъ, что условіе о службѣ формулировано въ договорѣ 1362 г. такъ: „служить безъ ослушанія *по заади*“ (т. е. по соглашенію), *како будетъ мнѣ слично и тобѣ*“, — формулировка, представляющая даже нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, такъ какъ въ основу службы положенъ договоръ, соглашеніе, заадка, а не воля вел. князя. Договоръ же возможенъ только между равными. Онъ и является основой междукняжескихъ отношеній до XVI вѣка. Въ позднѣйшихъ договорахъ и „служба“ эта опредѣлена точнѣе, хотя этотъ терминъ и не употребляется (быть можетъ какъ неприличный въ примѣненіи къ неслужилымъ князьямъ). Подъ службой этой разумѣлась исключительно ратная служба, основанная опять такъ на условіи о единачествѣ противъ враговъ. Объ этой ратной службѣ, и даже съ

¹⁾ Акт. Арх. Экс. I № 10.

²⁾ С. Гр. и Д. I № 37.

Несомнѣнно, что однимъ изъ главныхъ условій чеканки монетъ удѣльными князьями должна была быть ихъ самостоятельность,—они должны были пользоваться правами владѣтельныхъ, а не служебныхъ князей, т. е. владѣть своимъ княжествомъ *по праву*, а не по пожалованію и пользоваться правомъ независимаго имъ управленія. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Разсматривая княжескія отношенія Московской династіи съ этой точки зрѣнія и въ связи съ предполагаемымъ на основаніи археологическаго изслѣдованія дошедшихъ до насъ монетъ сѣверо-восточной Руси появленіемъ этихъ монетъ не ранѣе конца XIII в., мы ограничимся этимъ именно періодомъ. Такое ограниченіе мы находимъ вполне возможнымъ даже потому, что на рубежѣ XIII и XIV в. мы имѣемъ въ лицѣ Юрѣя Даниловича князя, владѣвшаго не только Москвою, Коломною и Можайскомъ, но съ 1319 г. и Владимірскимъ великимъ княженіемъ. Убитый въ 1325 г. въ Ордѣ, онъ не имѣлъ сыновей, а изъ братьевъ его пережилъ одинъ только Калита, со смерти котораго въ 1341 г. и начинается собственно интересующій насъ удѣльный строй Владиміро-Московского великаго княженія.

Приступая къ изложенію нашего взгляда на междукняжескія отношенія въ намѣченный нами періодъ отъ Ивана Калиты до Ивана III, мы должны прежде всего замѣтить, что для опредѣленія ихъ мы будемъ пользоваться какъ духовными и договорными княжескими грамотами, такъ и лѣтописными свидѣтельствами. Но при этомъ мы признаемъ наиболѣе важнымъ для насъ юридическимъ источникомъ договоры и затѣмъ лѣтописи.

Въ самомъ дѣлѣ, проф. Чичеринъ вполне справедливо отмѣтилъ¹⁾ преобладающій частно-правовой (а не государственный, политическій) характеръ духовныхъ грамотъ не только московскихъ великихъ князей, но и князей удѣльныхъ въ разсматриваемый нами періодъ. Какъ свои владѣнія, такъ и доходы съ нихъ (даже политическіе т. е. сказ., —напр. тамгу, мыты, всѣ пошлыны и т. п.) и домашній скарбъ, стада и казну Иванъ Калита напр. дѣлитъ совершенно на одинаковомъ частно-правовомъ, а не государственно-правовомъ основаніи, между сыновьями и женою, а сынъ его вел. кн. Семенъ завѣщаетъ весь свой „участокъ“ своей женѣ. При этомъ удѣлы не сосредоточиваются каждый въ одномъ мѣстѣ, не округляются, а напротивъ разбрасываются черезполосно по

¹⁾ Б. Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 237 сл.

обширному иногда пространству ¹⁾. Даже самая Москва, средоточіе московскаго княженія, не избѣгла дѣлежа и не только доходы съ нея подвергались раздѣлу между братьями—великимъ и удѣльными—князьями, но и дѣйствительное владѣніе ею ²⁾. Хотя старшій сынъ и получалъ болѣе крупный надѣлъ „на старшій путь“,—и вообще размѣръ удѣловъ обыкновенно соотвѣтствуетъ порядку старшинства сыновей—но политическаго значенія это обстоятельство не имѣло, такъ какъ подобныя же распоряженія въ пользу старшаго сына мы находимъ и въ духовныхъ удѣльныхъ князей ³⁾.

Есть наконецъ примѣры, что вел. князь дѣлаетъ распоряженіе о раздѣлѣ, допуская однако передѣлъ въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, при чемъ передѣлъ этотъ отдаетъ на полное усмотрѣніе своей вдовы—„которому что дастъ, то тому и есть: а дѣти мои изъ ея воли не выдутъ“ ⁴⁾. Таковъ характеръ завѣщаній Калиты и его преемниковъ вплоть до Василія Темнаго, который подобно своимъ предкамъ дѣлитъ напр. Москву между сыновьями. Все различіе въ томъ, что удѣлъ старшаго сына—Ивава—настолько значительнѣе удѣловъ другихъ сыновей, что въ силу одного этого уже факта старшій сынъ становится сильнѣе всѣхъ своихъ братьевъ. Испытавъ на горькомъ опытѣ невыгоды необезпеченнаго матеріально старшинства великаго князя, Темный очевидно озаботился огражденіемъ своего старшаго сына отъ подобныхъ же несчастій. И лишь въ завѣщаніи Ивана III, мы впервые находимъ объединенную передачу Москвы и московскихъ принадлежностей и пошлинъ (и то за исключеніемъ одной трети) въ руки одного старшаго сына Василія—распоряженіе, очевидно обнаруживающее политическую тенденцію. Эта же тенденція выражена и въ постановленіи завѣщанія касательно перехода къ старшему сыну, т. е. вел. князю Московскому, и выморочныхъ удѣловъ младшихъ его братьевъ.

¹⁾ Напр. въ завѣщаніи Донскаго Владиміръ и Москва раздѣлены владѣніями Влад. Андреевича; Звенигородъ соединяется съ Галичемъ; Можайскъ съ Бѣлоозеромъ; Дмитровъ съ Угличомъ; а села, завѣщаемыя одному князю разбросаны въ разныхъ уѣздахъ.

²⁾ Напр. Донской подѣлялъ между сыновьями только свои „два жеребья“ въ Москвѣ. Впрочемъ такое же общее владѣніе главнымъ городомъ существовало и въ Тверскомъ и въ Рязанскомъ княжествахъ.

³⁾ Напр. Владиміра Андреевича (№ 40).

⁴⁾ Завѣщаніе Донскаго (№ 34).

Вообще относительно дѣленія и распредѣленія владѣній князя-завѣщателя между сыновьями (и женщинами-наслѣдницами) Чичеринъ отрицаетъ сколько-нибудь твердо установленный порядокъ въ разсматриваемый нами періодъ¹⁾. Это было дѣло чисто личное. Даже относительно порядка наслѣдованія: Владиміръ Андреевичъ постановляетъ, что по смерти бездѣтнаго сына вотчину его получаетъ въ пожизненное владѣніе вдова послѣдняго, Донской же напротивъ приказываетъ выморочный удѣлъ дѣлить между остальными братьями, исключая удѣлъ старшаго сына, который цѣликомъ переходитъ къ слѣдующему брату. Далѣе, Владиміръ Андреевичъ велѣлъ сыновьямъ послѣ смерти вдовы дѣлить выморочный удѣлъ поровну; Донской же предоставилъ въ этомъ случаѣ полную волю своей женѣ, какъ главѣ семейства.

Личная воля завѣщателя имѣла рѣшающее значеніе въ распоряженіи княженіями, такъ какъ на свои владѣнія князья смотрѣли какъ на свою частную собственность, какъ на свои „вотчины“, которыя они отдавали въ наслѣдство, дѣлили, промѣнивали, продавали и покупали на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отдѣльные села и какъ всякое частное имущество. Характерное исключеніе представляетъ собою великое княженіе. Ни Иванъ Калита, ни его ближайшіе преемники до Донскаго не назначаютъ себѣ преемника въ вел. княженіи, а Василий Дмитріевичъ назначаетъ себѣ преемникомъ сына Василья лишь условно, съ оговоркою: „а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе“.

Тоже слѣдуетъ сказать и о распоряженіяхъ моск. вел. князей касательно взаимныхъ отношеній ихъ сыновей—князей удѣльных. Обыкновенно старшему брату поручается забота о младшихъ, по подобнаго же рода порученія давались и другимъ великимъ князьямъ—тверскимъ и даже литовскимъ²⁾. Въ первой духовной Калиты поручается старшему забота о младшихъ, а во второй этого порученія даже нѣтъ. Семенъ Ивановичъ приказываетъ своимъ братьямъ жить за одинъ и слушаться митрополита Алексѣя и старыхъ бояръ. Наконецъ, въ духовной Донскаго мы читаемъ: „Даю рядъ сынамъ своимъ и своей княгинѣ, а вы, дѣти мои, живите за одинъ и матери своей слушайте во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ“. Это приказаніе повторяется нѣсколько разъ въ духовной, между прочимъ и по поводу предоставленнаго Донскимъ своей вдовѣ права, въ случаѣ смерти котораго либо изъ сыновей, по своему усмотрѣнію распре-

¹⁾ Чичеринъ, Опыты стр. 265 сл.

²⁾ Василий Дмитріевичъ поручаетъ сына Витолту и младшимъ братьямъ, Темный—Казиміру и т. п.

дѣлить его владѣнія между остальными братьями или совершить передѣлъ, если у котораго изъ сыновей часть его владѣнія отойдетъ по какому либо случаю. Затѣмъ на второмъ уже планѣ ставится въ завѣщаніи Донскаго приказаніе младшимъ братьямъ чтить и слушать старшаго брата въ мѣсто отца, а старшему держать братью молодшую въ братствѣ безъ обиды. Замѣтимъ, что совершенно тѣ же самыя права матери и тѣ же отношенія къ матери вдовѣ и между братьями установлены въ завѣщаніи Темнаго. Отсюда Чичеринъ дѣлаетъ совершенно справедливый выводъ ¹⁾, что этого рода наставленія въ княжескихъ духовныхъ имѣютъ характеръ чисто семейный, а не государственный, — подобныя ваставленія даетъ дѣтямъ всякій частный человѣкъ, лежа на смертномъ одрѣ. О государственномъ подчиненіи младшихъ старшему здѣсь не можетъ быть и рѣчи. И лишь въ духовной Ивана III это подчиненіе облекается въ осязательную политическую форму: „А который сынъ мой не учнетъ сына моего Василья слушаться во всемъ или учнетъ подъ нимъ подписывати великихъ княжествъ или подъ его дѣтьми, или учнетъ отъ него отступати или учнетъ ссылатися съ кѣмъ нибудь на его лихо, или учнетъ кого на него подымати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися, ино не буди на томъ милости Божіей“ и т. д. Но отцовское увѣщаніе и религіозно-нравственная угроза были недостаточною гарантіею исполненія приказа отца и потому Иванъ III велитъ Василю заключить съ братомъ Юріемъ письменный договоръ, которымъ опредѣлялись бы ихъ взаимныя отношенія. Окончательное же и рѣшительное государственное подчиненіе младшихъ сыновей старшему „какъ ему любо“ мы видимъ лишь въ духовной Грознаго. Ко временамъ Ивана III относится и признаніе этого государственнаго верховенства вел. князя удѣльнымъ. Именно въ духовной Бориса Васильевича Волоцкаго (1477 г.) мы читаемъ: „Приказываю своему *господину* и *господарю* и брату старѣйшему вел. кн. Ивану Васильевичу и сыну его *господину* вел. кн. Ивану Ивановичу, *какъ имъ Богъ положитъ на сердца*, жаловати и печаловатися моимъ сыномъ Федоромъ и моею княгинею и моими дѣтьми“.

Такимъ образомъ духовныя княжескія грамоты даютъ намъ слишкомъ шаткій матеріалъ для опредѣленія и оцѣнки политическихъ, государственныхъ, и даже юридическихъ междукняжескихъ отношеній и разъясненія этихъ отношеній мы можемъ искать лишь въ княжескихъ до-

¹⁾ Опыты, стр. 286 сл.

боднаго соглашенія, и 2) что договаривающіяся стороны должны быть признаны нами какъ вполне независимыя личности. По основному понятію о договорѣ, договоромъ могутъ опредѣляться только такія юридическія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. „Не можетъ быть договора господина съ рабомъ, государя съ подданнымъ,—говоритъ Чичеринъ ¹⁾. Поэтому, если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, то уже изъ этого обстоятельства мы въ правѣ заключить, что великій князь не государь, а удѣльный не подданный²⁾),—это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства“.

Идемъ далѣе. Умирая Семень, согласно только что приведенному договору, завѣщаетъ ³⁾ свой удѣлъ „тѣмъ его благословилъ отецъ“ и что самъ прикупилъ—„своей княгинѣ“ (и послѣ нея—сыну), и поручаетъ ее попеченію („приказываю“) братьевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ особо подтверждаетъ и силу этого договора, т. е. содержащіяся въ немъ постановленія о политическихъ, государственныхъ отношеніяхъ между братьями ⁴⁾. Вопросъ о великомъ княженіи Владимірскомъ, какъ и въ духовной Калиты, не упоминается и опять, слѣд., предоставляется на рѣшеніе хана. Приказъ — жить братьямъ за одинъ „по отца нашего благословенію“ не имѣетъ прямого политическаго значенія.

Послѣ смерти Семена, ханъ пожаловалъ великое княженіе старшему за нимъ брату Ивану Ивановичу ⁵⁾. Никакихъ договоровъ его съ братомъ Андреемъ до насъ не дошло. Несомнѣнно, что „кроткій и

¹⁾ Опыты, стр. 298 сл.

²⁾ Проф. Сергѣевичъ (Ленц. по ист. Рус. пр. стр. 299) говоритъ напр. „При отсутствіи подчиненія въ силу государственнаго устройства, наименованіе господиномъ и вел. княземъ не могло выражать подчиненія; для этого былъ необходимъ договоръ, которымъ была бы установлена форма и объемъ подчиненія“. Вообще наименованіе удѣльными князьями великаго „господиномъ“ означало не болѣе, какъ знакъ уваженія, который не влекъ за собою никакихъ обязанностей: Новгородцы называютъ „господиномъ“ князя Бориса Александровича Тверскаго, отъ котораго они нисколько не зависѣли. (С. Г. Гр. и Д. № 18).

³⁾ С. Г. Гр. и Д. I, № 24.

⁴⁾ „Положилъ есмь на Божѣ и на насъ, на своей братіи, тако имете блюсти по нашему докончанію, како тогда мы цѣловали крестъ у отня гроба“.

⁵⁾ Сыновья Симеона въ этоу времени, впрочемъ, умерли. Претендентомъ въ Ордѣ на великокняжескій столъ явился кромѣ Ивана только Константинъ Васильевичъ суздальскій.

тихий и милостивый“ великій князь соблюдалъ приказъ отца и старшаго брата. Хотя, судя по его духовной, онъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ удѣлъ, завѣщанный Симеономъ своей вдовѣ (дѣти умерли въ малолѣтнемъ возрастѣ), т. е. Можайскъ и Коломну, но по смерти Андрея Ивановича Серпуховскаго ¹⁾ удѣлъ послѣдняго и его треть въ московск. намѣстничествѣ и въ московскихъ доходахъ согласно договору братьевъ „у отня гроба“, установившему переходъ волостей по прямой линіи, перешли къ сыну его—Ивану, а по смерти послѣдняго (1358 г.)—къ Владиміру Андреевичу, и этотъ переходъ подтвержденъ духовною Ивана Ивановича ²⁾. Какимъ образомъ совершилось присоединеніе къ Москвѣ удѣла вдовствующей княгини Маріи Можайской—непзвѣстно. Судя по духовной Ивана Ивановича, дѣти Андрея никакого вознагражденія за это приращеніе удѣла Ивана Ивановича при немъ не получили, быть можетъ вслѣдствіе своего малолѣтства ³⁾. Какъ бы то ни было, свою вотчину и удѣлъ княгини Маріи (в. кн. Семена) Иванъ Ивановичъ подѣлилъ между своими сыновьями Дмитріемъ и Иваномъ, при чемъ старшему сыну Дмитрію завѣщанъ бывшій удѣлъ в. кн. Семена: Можайскъ и Коломна съ волостями, а Ивану—собственная вотчина Ивана Ивановича—Звенигородъ и Руза. Вопросъ о вел. княженіи, по прежнему, предоставленъ на рѣшеніе хана. Не представляя, такимъ образомъ, ничего новаго въ распредѣленіи волостей, за исключеніемъ развѣ только иной формулировки вопроса о владѣніи Москвою и московскими доходами ⁴⁾, духовная эта не лишена однако для насъ особаго интереса въ одномъ отношеніи, именно въ томъ, что она, въ дополненіе къ договору „у отня

¹⁾ Онъ умеръ мѣсяцъ спустя по смерти брата, вел. кн. Семена, въ іюні 1353 г.

²⁾ С. Г. Гр. и Д. № 25 и 26.

³⁾ Иванъ род. не ранѣе 1345 г. и умеръ въ 1358 г., а Владиміръ род. въ 1353 г. Отъ Дм. Донскаго онъ получилъ вслѣдствіе завѣщаній Калиты и Ив. Ивановича треть изъ волостей княгини Ульяны, второй жены Калиты. (Объ ней см. Экземплярскаго I, стр. 79 прим. 208 и II, стр. 292 пр. 781). А что присоединеніе удѣла в. князя Семена къ удѣлу в. кн. Ивана было неправильно, на это намекаетъ договоръ Донскаго съ Владиміромъ (№ 27), въ которомъ сдѣлана оговорка: „А что мя благословиъ отецъ мой кн. вел. Иванъ удѣломъ дяди моего кн. вел. Семеновымъ, того ти не искати“.

⁴⁾ „Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрію и кн. Ивану, а братаничу моему кн. Володимеру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамъ, въ мытѣхъ и въ пошавнахъ городскихъ треть“.

гроба“ выясняетъ владѣльческія права князей въ ихъ удѣлахъ: какъ послѣ перечисленія волостей удѣла кн. Дмитрія, такъ и Ивана именно указывается, что они передаются „съ бортью и съ тамгою и съ мытомъ и со всѣми пошлинами“, а что „князь Владиміръ *выдаетъ* уѣздъ отца своего“. Это послѣднее категорическое „вѣдаетъ“ вполнѣ выясняетъ независимый характеръ управленія князей удѣлами, особенно въ связи съ перечисленіемъ *остатъ* пошлинъ, въ томъ числѣ слѣд. и судебныхъ, указывающимъ на независимость князей между прочимъ и въ правѣ суда и управленія.

Отъ временъ княженія Дмитрія Ивановича до насъ дошли только три договорныхъ грамоты съ удѣльными князьями,—всѣ три съ однимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Тѣмъ не менѣе и изъ этихъ договоровъ можно вывести довольно ясное заключеніе объ отношеніяхъ между вел. княземъ и княземъ удѣльнымъ въ рассматриваемое нами время, особенно, если принять во вниманіе тѣ обстоятельства, при которыхъ эти договоры заключены. Такъ первый договоръ ¹⁾—относится къ такому времени, когда оба князя—и Дмитрій, и Владиміръ—были еще малолѣтними; слѣд. договоръ былъ редактированъ не самими князьями, а боярами и митрополитомъ. Думаемъ, что это обстоятельство не осталось безъ вліянія на формулировку въ договорѣ княжескихъ отношеній. Какъ извѣстно, и высшее духовенство въ рассматриваемый нами періодъ, и боярство были сторонниками объединительной политики въ московскомъ княжествѣ ²⁾. Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ нѣкоторыя характерныя выраженія въ рассматриваемомъ нами договорѣ. Такъ, мы читаемъ въ немъ: „Быти ны за одинъ; имѣти ми брата своего старѣйшего вел. князя Дмитрія въ отца мѣсто; а жити ны по тому, какъ то отци наши жили съ братомъ своимъ съ старѣйшимъ, зъ дядею нашимъ со княземъ великимъ Семеномъ“. Повидимому полное подтвержденіе старинныхъ отношеній, а между тѣмъ общая формулировка этихъ отношеній дается такая: „А тобѣ, брату моему молодшему кн. Володимеру держати ти подо мною княженіе мое

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. I, № 27 (по мнѣнію издателей — 1362 г., а по мнѣнію Карамзина—1364 г.).

²⁾ „Подъ 1362 г. лѣтопись повѣствуетъ о томъ, что вел. кн. Дмитрій согналъ съ галицкаго княженія князя Дмитрія и взялъ свою волю надъ князьями ростовскими и суздальскими. Кто это сдѣлалъ? Дмитрію Ивановичу было тогда всего 12 лѣтъ. Это сдѣлали его бояре. Очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-Владимірской области и они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости“. Сергѣевичъ, Руск. юрид. древ. I, 64.

великое честно и *прозно*, а добра ти мнѣ хотѣти во всемъ, а мнѣ вел. князю тебе брата своего держати безъ обиды“. Это выраженіе „*прозно*“ мы встрѣчаемъ лишь въ позднѣйшихъ княжескихъ договорахъ времени Василия Темнаго. Еще характернѣе заключительныя слова договора: „А тобѣ, брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанія по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ, брату моему молодшему; а мнѣ тебе кормити по твоей службѣ“. Какъ мы уже замѣтили, первая часть этого постановленія содержитъ въ себѣ собственно логическое противорѣчіе, въ которомъ впрочемъ столь ясно подтвержденное условіе о соглашеніи (згадцѣ) заслуживаетъ особеннаго вниманія; мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ заключительныя слова о кормленіи велик. княземъ удѣльнаго по его службѣ. Если бы принимать это выраженіе въ буквальномъ смыслѣ, то здѣсь удѣльный князь сводился бы на положеніе князя служебнаго, не вотчиннаго, а получающаго *кормленіе* и состоящаго на *службѣ* великаго князя. Такое толкованіе однако противорѣчило бы и дѣйствительнымъ отношеніямъ князей ¹⁾, и другимъ постановленіямъ договора. Но оно характерно потому, что внесено очевидно боярами, которые къ княжескимъ отношеніямъ примѣнили термины, употреблявшіеся въ примѣненіи къ нимъ самимъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что это выраженіе въ позднѣйшихъ договорахъ болѣе уже не встрѣчается.

Мы указали на мѣста договора, любопытныя собственно потому, что они характеризуютъ взгляды и тенденцію его редакторовъ. И при всемъ томъ, обращаясь къ постановленіямъ, опредѣляющимъ права и юридическія отношенія князей, отъ имени которыхъ онъ составленъ, мы не можемъ не признать, что условіе о жизни по тому, какъ жили отцы Дмитрія и Владиміра съ вел. кн. Семеномъ не есть пустая фразы. Дѣйствительно, хотя договоромъ и пресѣкаются всякія возможныя попытки со стороны Владиміра къ отыскиванію захваченнаго вел. княземъ Иваномъ и переданнаго имъ Дмитрію удѣла в. кн. Семена, однако договоръ категорически постановляетъ: „тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина“. А въ какомъ смыслѣ князьямъ „знати“ свои отчины, это поясняется далѣе: князья обоюдно обязываются во взаимныхъ удѣлахъ ни самимъ, ни боярамъ ихъ селъ не покупать, закладней и оброчниковъ не держать, данщниковъ и приставовъ не всылать, и во взаимныя удѣлы грамотъ жало-

¹⁾ Такъ, Владиміръ участвовалъ вмѣстѣ съ вел. княземъ въ договорахъ съ Тверью и Рязанью.

ванныхъ не давать,—все это условія, прямо относящіяся къ огражденію независимости внутренняго управленія обоюдными вотчинами, какъ въ финансовомъ, такъ и въ судебномъ смыслѣ ¹⁾. Мало того, эта же грамота свидѣтельствуетъ и о независимости военнаго строя: „А коли ти будетъ вѣсти со мною (вел. княземъ) на конь, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живетъ (слѣд.—хотя бы они жили и во владѣніяхъ вел. князя), тѣмъ быти подѣ твоимъ стягомъ“. За тѣмъ *политическія* отношенія князей опредѣлены по старинѣ: быть за одинъ, имѣть общихъ друзей и враговъ, другъ безъ друга ни съ кѣмъ не канчивать ²⁾, въ случаѣ войны, посылать младшему князю своихъ воеводъ съ воеводами вел. князя безъ ослушанія и т. д. Отметимъ впрочемъ впервые въ этомъ договорѣ встрѣчающееся условіе, — „а ордынская тягость и проторъ дати ти мнѣ, брату своему старѣйшему съ своего удѣла по *давнымъ* сверткамъ“. (Возникаетъ вопросъ—внося удѣльнымъ княземъ ордынской дани въ казну вел. князя по „давнымъ сверткамъ“ вводитъ ли новый порядокъ вноса дани удѣльнымъ княземъ въ великокняжескую казну, или же такой порядокъ установился уже при первыхъ вел. князьяхъ Владиміро-Московскихъ? Замѣтимъ впрочемъ, что условіе объ исключительномъ правѣ вел. князя сноситься непосредственно съ Ордою было не исключительно присуще Московско-Владимірскому вел. княженію, а существовало и въ другихъ княжествахъ. Такъ, Романовскіе и Заозерскіе князья вносили ордынскую дань въ казну князей Ярославскихъ и это продолжалось даже по переходѣ Заозерья къ Москвѣ: Михаилъ Андреевичъ Верейскій, получивъ отъ Василія Темнаго половину Заозерья, обязывался платить съ нея дань по старинѣ князьямъ Ярославскимъ ³⁾).

Мы имѣемъ еще одинъ договоръ Донскаго съ Владиміромъ, заключенный послѣ бывшаго между ними размирья ⁴⁾. Но существеннымъ можно признать въ немъ лишь условіе о признаніи Владиміромъ своего племянника — князя Василія Дмитріевича „братомъ старѣйшимъ“. Въ остальномъ, взаимныя отношенія обоихъ князей остаются преж-

¹⁾ Независимость суда была главнымъ основаніемъ условія о непокупаніи селъ въ чужомъ удѣлѣ.

²⁾ Дѣйствительно, въ договорахъ Донскаго съ вел. кн. Мих. Александровичемъ тверскимъ (№ 28), съ литовскими и смоленскими князьями (№ 31) и съ рязанскимъ участвовалъ и Владиміръ.

³⁾ С. Гр. и Д. № 64 (стр. 141). Въ Рязани Орду тоже вѣдаетъ только вел. князь (тамъ же № 127).

⁴⁾ С. Гр. и Д. I, № 33—1388 г.

нія ¹⁾. Но любопытно, что условіе о „службѣ безъ ослушанія“ не только сохранено, но даже усилено (пропускомъ оговорки — „по згадцѣ“) а условія о „кормленіи по службѣ“ уже не находятся.

Таковы договоры Донскаго съ Владиміромъ. Такъ какъ они единственные, опредѣляющіе отношенія великаго князя къ удѣльному въ великокняженіе Донскаго, то является вопросъ, — въ какой мѣрѣ они могутъ служить вѣрнымъ показателемъ этихъ отношеній? Думаемъ, что главное значеніе ихъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ обстоятельстве, что Владиміръ Андреевичъ не имѣлъ даже права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Его положеніе, слѣдовательно, относительно Донскаго и даже старшаго сына послѣдняго — Василя — во всякомъ случаѣ было подчиненное, такъ какъ родовое старшинство (по отношенію къ Василю), какъ мы видѣли, утратило уже въ то время политическое значеніе. Такимъ образомъ, договоры эти едва ли предоставляли Владиміру какой либо излишекъ правъ, скорѣе наоборотъ. А слѣдовательно, если несмотря на это ими устанавливалась полная административно-судебная независимость удѣльнаго князя, то значитъ такая независимость не считалась несовмѣстимою съ правами, на какія могъ претендовать великій князь. А что эта независимость практиковалась и на дѣлѣ, объ этомъ свидѣлствуетъ лѣтописецъ, рассказывая, что „Князь Володимерь Ондръевичъ заложи градъ Серпуховъ дубовъ въ своей отчинѣ и даде людемъ и всѣмъ купцемъ ослабу и лготу многу“ и т. д.²⁾

Что касается независимости финансоваго управленія удѣльныхъ князей, то доказательство его мы имѣемъ въ духовной кн. Владиміра Андреевича Серпуховскаго Боровскаго³⁾, который завѣщалъ свои владѣнія: Серпуховъ, Боровскъ, Ярославль, Перемышль и т. д. съ „тамгою и съ мыты и со всѣми пошлинами“. Этотъ раздѣлъ былъ, замѣтимъ, поставленъ подъ охрану вел. князя.

Положеніе Владиміра Андреевича какъ князя удѣльнаго не измѣнилось и при сынѣ Донскаго — Василя Дмитріевичѣ. По крайней мѣрѣ въ дошедшихъ до насъ двухъ договорныхъ грамотахъ ⁴⁾ между

¹⁾ Для насъ не имѣютъ значенія нѣкоторые измѣненія въ вопросахъ о юрисдикціи (подсудности) въ Москвѣ и надъ Москвитянами, о подчиненіи обоюдныхъ бояръ въ случаѣ похода воеводѣ того князя, въ удѣлахъ котораго они живутъ и о платежѣ ими дани князю также по мѣсту жительства и т. п.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 21 подъ 1374 г.

³⁾ С. Г. Гр. и Д. I, № 40.

⁴⁾ С. Г. Гр. и Д. I № 35 и 38.

ними мы не находимъ не только никакихъ слѣдовъ какого либо ограниченія его правъ, какъ удѣльнаго князя, но напротивъ, можно бы скорѣе предполагать если не юридическое, то нравственное улучшение его положенія сравнительно со временами Донскаго. Такъ, Владиміръ обязывается держать своего племянника, — брата старѣйшаго, — „честно“, но квалификаціи „грозно“ нѣтъ; великій князь обязывается держать Владиміра въ братствѣ и въ чести безъ обиды. Нѣтъ также выраженія о „службѣ“ вел. князю; Владиміръ освобождается отъ обязанности идти въ походъ, когда самъ Василій не идетъ. Независимость управленія установлена не только относительно наследственнаго удѣла Владиміра, но и относительно возможныхъ новыхъ примысловъ его.

Такимъ образомъ, договоры Донскаго съ Владиміромъ могутъ служить показателями лишь тѣхъ отношеній вел. князя къ удѣльному, какія существовали именно только между ними ¹⁾, и не могутъ быть признаваемы нормою или своего рода исходною точкою для опредѣленія междукняжескихъ отношеній при его преемникахъ. Сущность этихъ отношеній, политическое подчиненіе удѣльнаго князя великому, осталось, конечно, но это подчиненіе облекалось въ формы, соответствовавшія независимому положенію удѣльныхъ князей во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, а эта формальная сторона вопроса не лишена и юридического значенія. И вообще, рассматривая междукняжескія отношенія при Васи́лѣи Дми́тріевичѣ, мы не можемъ не замѣтить, что при немъ положеніе удѣльныхъ князей ни въ какомъ случаѣ не измѣнилось къ ихъ невыгодѣ.

Доказательствомъ этому могутъ служить какъ духовная Донскаго, такъ и договоры Васи́лія съ его братьями — удѣльными князьями.

Духовная Донскаго отличается отъ духовныхъ грамотъ его предшественниковъ на великокняжескомъ престолѣ въ сущности только тѣмъ, что онъ завѣщалъ великое княженіе и притомъ завѣщалъ его нераздѣльно одному старшему сыну Васи́лію, а въ случаѣ смерти послѣдняго — слѣдующему сыну, опять-таки нераздѣльно. Но на ряду съ этимъ принципиальнымъ установленіемъ недѣлимости вел. княженія, Донской подобно своимъ предшественникамъ (дѣду, дядѣ и отцу) совершаетъ раздѣлъ всѣхъ остальныхъ своихъ владѣній между всѣми своими сыновьями ²⁾, при чемъ ставитъ имъ единственное не то по-

¹⁾ „Мы видимъ здѣсь не отношенія удѣльнаго князя къ великому, а личныя отношенія Владиміра къ Дми́трію“. (Чичеринъ, Опыты стр. 304).

²⁾ При этомъ относительно каждаго отдѣльнаго удѣла мы находимъ оговорку: „съ тамгою и съ мыты и съ бортью, и со всѣми пошлинами“. (С. Гр. и Д. I № 34).

литическое, не то нравственное правило—быть всѣмъ за одинъ, младшимъ чтить и слушать брата старшаго „въ мое мѣсто своего отца“, а старшему держать свою братью молодшую въ братствѣ безъ обиды. Ничего большаго мы не находимъ и въ договорахъ Василя Дмитріевича съ братьями; младшіе братья обязываются держать Василя только вмѣсто отца, а Юрій Дмитріевичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ со старшимъ братомъ, обязывается держать его въ старшинствѣ—и только; нѣтъ выраженія: „честно и грозно“, нѣтъ обязательства „служить“ старшему брату¹⁾. Соловьевъ объясняетъ это тѣмъ²⁾, что „Донской имѣлъ всю возможность привести въ свою волю двоюроднаго брата, который не имѣлъ матеріальныхъ средствъ бороться съ нимъ и не имѣлъ права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Дмитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было щадить, ласкать, чтобы заставить рѣшиться сдѣлать первый тяжелый шагъ — отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ договорахъ Вас. Дмитріевича съ братьями мы не находимъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князя къ великому, какія встрѣчаемъ въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ“. Дѣйствительно, большая часть великокняженія Василя Васильевича проходитъ въ борьбѣ съ дядьями, выступившими противъ него не на защиту своихъ правъ, а на возстановленіе стародавнихъ порядковъ, давно отмѣненныхъ Московскою практикою.

Между тѣмъ какъ Донской нашелъ возможнымъ завѣщать отчину свою великое княженіе старшему сыну, Василію Дмитріевичу, завѣщая остальные владѣнія какъ собственность, которою онъ имѣетъ полное право распоряжаться, говоритъ: „а дастъ Богъ сыну моему великое княженіе, ино и язъ сына своего благословляю кн. Василя“. Причина такого ограниченія заключалась въ притязаніяхъ Юрія Дмитріевича на наследованіе великаго княженія помимо племянника, а съ обладаніемъ вел. княжествомъ соединено было право родового старшинства.

Предположенію, что въ первый же годъ по смерти Василя Дмитріевича состоялось ограниченіе Василемъ Васильевичемъ регальныхъ правъ его дядей противорѣчатъ всѣ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при коихъ совершилось вступленіе его на великокняжескій столъ. Извѣстно, напр., что уже Василій Дмитріевичъ предусматривалъ воз-

¹⁾ С. Гр. и Д. I № 35, 37; А. Арх. Эксп. I, № 10.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос. IV, 157.

мѡжность соперничества съ *малолѣтнимъ* Василемъ Васильевичемъ (ему было при смерти отца ок. 10 лѣтъ) своихъ братьевъ, а его дядей, и потому, принималъ мѣры къ предупрежденію подобныхъ смутъ. Именно, въ 1419 еще году онъ уже пытался „привести въ цѣлованіе подъ Василія, т. е. привести къ присягѣ на вѣрность своему сыну, какъ будущему вел. князю, младшаго брата своего кн. Константина Углицкаго. Константинъ, однако, воспротивился этому, говоря; „Нестѣ сія отъ начала бывало, и ты нынѣ на мнѣ почто хочешь силу сотворити?“ Разгнѣванный вел. князь отнялъ у Константина его отчинный удѣлъ и Константинъ удалился въ Новгородъ. Были ли сдѣланы Василіемъ Дмитріевичемъ подобныя попытки и съ другими его братьями—изъ лѣтописей не видно. Но не лишень значенію тотъ фактъ, что въ своей духовной ¹⁾ Василій Дмитріевичъ „приказалъ“, т. е. поручилъ „сына своего Василѣя и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тестю вел. кн. Витовту, какъ ми реклъ на Божѣ и на насъ, какъ ся иметъ печаловати, и своей *братѣи молодой*: кн. Одрѣю Дмитріевичу и кн. Петру Дмитріевичу и кн. Семену Володимировичу (Боровскому) и кн. Ярославу Володимировичу (Серпуховскому) и ихъ братьѣ, *по ихъ докончанью*, какъ ми рекли“. Замѣтимъ отсутствіе въ числѣ опекуновъ-дядей назначенныхъ Василіемъ Дмитріевичемъ, князи Юрія Дмитріевича, который именно и проявилъ съ самой кончины вел. князя сопротивленіе признанію вел. княжества за своимъ племянникомъ. Такимъ образомъ вступленіе Василія Васильевича въ управленіе совершилось при такихъ условіяхъ, которыя были далеко неблагоприятны проявленію съ его стороны какихъ либо притязаній на усиленіе великокняжеской власти на счетъ князей удѣльныхъ.

Василію Дмитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ признанію старшинства за племянникомъ. Отсюда цѣлый рядъ междоусобій въ княженіе Василія Васильевича. Эти междоусобія кончились торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но разсматривая исторію этого княженія и отношеній Василія Васильевича къ удѣльнымъ князьямъ, мы не можемъ, безпристрастно судя, не признать, что хотя его княженіе прошло въ непрерывной борьбѣ съ князьями удѣльными, но въ этой борьбѣ нападающею стороною былъ не великій князь, а напротивъ, князья удѣльные: Юрій, Василій Косой, Шемяка и ихъ приверженцы въ родѣ Ивана Можайскаго, и что при этомъ великій князь нерѣдко находился въ весьма затруднительныхъ обстоятель-

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. № 42 стр. 85.

ствахъ и потому даже не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными. Споръ происходитъ не за какія либо второстепенныя права, а за само великое княженіе; этотъ споръ продолжался 25 лѣтъ и за это время положеніе Василя Василовича было такъ непрочное, что ему въ пору было только *охранять* свои права, а никакъ не помышлять о ихъ *расширеніи* на счетъ дядей и двоюродныхъ братьевъ. Дѣйствительно, разсматривая княжескіе договоры, мы видимъ, что Юрій, принужденный съ 1431 г. отказаться отъ старшинства, хотя и называется племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры ¹⁾, какъ союзникъ равноправный, безъ всякаго опредѣленія, какъ онъ долженъ держать „старшаго брата“ и въ чемъ должно выражаться старшинство послѣдняго. Юрій освобождается и отъ обязанности „ѣздить“ къ вел. князю и отъ обязанности садиться на коня, даже когда всядетъ самъ вел. князь. Эта же неопредѣленная форма „старшинства“ повторяется и въ договорахъ Василя съ Шемякою ²⁾ и даже съ двоюродными братьями Андреевичами ³⁾. Что касается формулы держанія великаго княженія честно и грозно, то ее мы находимъ въ договорахъ съ Василюмъ Ярославичемъ (внукомъ Владиміра Андреевича), съ Шемякою ⁴⁾, и не находимъ ее въ договорахъ (первомъ) съ Андреевичами, которые играли въ междоусобицахъ второстепенную роль.

Впрочемъ, что касается выраженія „честно и грозно“, то подобно опредѣленію *старшинства*, оно не означало никакого особеннаго преимущества правъ и обязанностей,—оно не сообщало никакихъ государственныхъ правъ и не налагало никакихъ государственныхъ обязанностей. „Старшинство“ служило,—по справедливому толкованію и Чичерина, и Сергѣевича—означеніемъ мѣста, которое князь занималъ въ средѣ другихъ, какъ въ мѣстническихъ счетахъ,—мѣсто же опредѣляло не права и обязанности, а только извѣстную честь, извѣстный почетъ. Точно такъ же и обязанность держанія честно и грозно⁵⁾,—какъ можно заключить изъ сличенія договоровъ, въ которыхъ

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. I № 43, 44, 49, 50. Формулы: а держати ми тебя, вел. князя собѣ въ старшинствѣ, а тобѣ мене держати въ братствѣ и во чести безъ обиды.

²⁾ № 54—57: А держати ми тебе вел. князя въ старшинствѣ, какъ держалъ твоего отца вел. князя Василя Дмитріевича мой отецъ князь Юрьи Дмитріевичъ.

³⁾ № 46.

⁴⁾ № 45, 52—60.

⁵⁾ Выраженіе, употреблявшееся впрочемъ и въ отношеніяхъ великаго и удѣльныхъ князей другихъ княженій, напр. Рязанскаго (С. Г. Гр. и Д. № 127).

это выраженіе употреблено, съ такими, въ которыхъ его нѣтъ, — не связывалась ни съ какими особыми обязательствами, а служила лишь выраженіемъ признанія нѣкотораго превосходства положенія, воздаванія должной чести ¹⁾. Такой характеръ отношеній вел. князя къ удѣльнымъ соотвѣтствуетъ и основному термину „братства“, лежащему въ основѣ договорныхъ междукняжескихъ отношеній: принципъ братства въ основѣ своей совпадаетъ съ понятіемъ равенства и лишь видоизмѣняется въ своихъ проявленіяхъ, но не въ существенныхъ своихъ чертахъ, квалификаціею старшинства ²⁾. А между тѣмъ стародавнимъ принципомъ квалифицированнаго братства опредѣляются и договорныя отношенія Василя Васильевича къ удѣльнымъ князьямъ ³⁾, между тѣмъ какъ обнаруживавшіе вообще болѣе честолюбивые замыслы Юрій и его сынъ Шемяка опредѣляютъ свои отношенія къ удѣльнымъ князьямъ не на принципѣ братства, а на принципѣ *отечества* и сыновства ⁴⁾.

Если со стороны Темнаго предполагать стремленіе подчинить себя удѣльныхъ князей, то это стремленіе выразилось бы, конечно, прежде всего въ области внутренняго управленія и удѣльнаго владѣнія и затѣмъ — въ той сферѣ междукняжескихъ отношеній, къ которой специально относится въ договорахъ названіе „службы“, — въ сферѣ внѣшней т. сказ. политики ⁵⁾. Ни того, ни другого мы, однако, не видимъ.

Что касается внѣшнихъ (если можно такъ выразиться) политическихъ отношеній, то по стародавнему обычаю договаривающіеся князья обязывались „быть за одинъ до живота“. Это условіе мы ви-

¹⁾ См. Чичерина, Опыты стр. 301, 303; Сергѣевича, Русск. Древн. стр. 161 сл. 166 сл.

²⁾ См. о „братствѣ“ князей: Сергѣевича Рус. Юр. Древн. II, 152 сл., 161 сл. Напр. по договору съ Донскимъ Михаилъ Александровичъ тверской призналъ вел. князя московскаго себя братомъ старшимъ, а по договорамъ съ Василемъ Теинымъ Борисъ Александровичъ и его сынъ Михаилъ — просто братья (С. Г. Гр. и Д. №№ 76 и 88).

³⁾ За исключеніемъ отношеній къ Василю Ярославичу боровскому, которыя основаны на принципѣ „отечества“. С. Г. Гр. и Д. № 45.

⁴⁾ См. договоры Юрія съ можайскими и Шемяки съ суздальск. князьями; это впрочемъ не мѣшало названнымъ отцамъ признавать за своими „сыновьями“ всѣ права самостоятельныхъ владѣтельныхъ князей и даже равноправность въ заключеніи союзовъ и сношеніяхъ съ посторонними.

⁵⁾ Службою считалась собственно и именно военная помощь, такъ какъ ни къ чему другому не обязывались и служебные князья.

димъ какъ въ договорахъ между великими и удѣльными, такъ и между различными великими князьями ¹⁾. Тоже самое мы видимъ и при Василии Темномъ. Можно замѣтить въ договорахъ его времени формулу, указывающую на перевѣсъ, на превосходство великаго князя въ этихъ вопросахъ надъ удѣльными. Именно, удѣльный князь обязывается обыкновенно „сложить цѣлованіе“, если онъ находится съ кѣмъ либо въ союзѣ помимо вел. князя, а послѣдній съ своей стороны обязывается „учинить его въ докончаніи“ со своими союзниками ²⁾. Но рядомъ съ этимъ въ тѣхъ же договорахъ мы находимъ выраженіе обоюдности политическихъ обязательствъ: „быть тебѣ съ нами, а намъ съ тобою“ съ прибавленіемъ обоюднаго же условія другъ безъ друга не канчивать ³⁾ и даже не ссылаться ни съ кѣмъ ни удѣльному безъ великаго, ни великому безъ удѣльнаго ⁴⁾, при чемъ лишь изрѣдка дѣлается такое различіе между ними, что удѣльный обязывается ни канчивать, ни ссылаться безъ великаго, а великій—только не канчивать безъ удѣльнаго ⁵⁾. Что однако существеннаго значенія эти отѣнки не имѣли—видно изъ того, что первая форма постоянно встрѣчается въ договорахъ съ Василиемъ боровскимъ, вторая—съ князьями Можайскими, а третья—съ Шемякою ⁶⁾.

Относящееся въ сущности сюда же условіе о взаимномъ хотѣніи добра и сообщеніи другъ другу всего слышаннаго въ пользу или во вредъ другой договаривающейся стороны и о взаимной военной помощи и оборонѣ мы находимъ впрочемъ не только въ договорахъ вел. князей съ удѣльными, но и въ договорахъ съ Рязанью ⁷⁾. Здѣсь можетъ представлять нѣкоторый интересъ лишь форма, въ которую облекалась въ договорѣ выговариваемая военная помощь или „служба“. Такъ, по договору, Юрій Дмитріевичъ не идетъ самъ, а посылаетъ

¹⁾ Напр. Московскихъ съ Рязанскими (№ 36, 48, 65) и Тверскими (№ 76). Ср. также Сергіевича II, 169 сл.

²⁾ № 43, 49, 52, 54, 56, 58, 61, 64, 66, 70, 75, 90—95.

³⁾ № 43, 45 (съ Вас. Ярослав.) 47 (Юр. Георг. съ Можайскими) 49, 60, 71, 73, 78, 84 (тоже въ старыхъ договорахъ № 23, 33, 35).

⁴⁾ № 46 (съ Можайскими) 61, 64, 66, 69, 70, 75 (тоже въ старыхъ договорахъ № 27).

⁵⁾ №№ 52—54—56—58 (тоже въ старомъ—37).

⁶⁾ Замѣтимъ кстати, что по договору 1440 года (№ 60) Шемяка получилъ право ссылаться (но не канчивать) съ другими князьями и даже съ Ордой (но только съ вѣдома вел. князя). Это исключительное право, объясняющееся отношеніями Шемяки къ Василию въ это время.

⁷⁾ № 48, 65; А. Арх. 9. I. № 14.

сына даже когда самъ вел. князь сядетъ на коня (№ 43, 49); Василий Ярославичъ боровскій идетъ самъ только если сядетъ на коня самъ вел. князь (№ 45); Шемяка въ однихъ договорахъ обязывается идти самъ только когда вел. князь пойдетъ самъ или пошлетъ кого изъ братьевъ, въ другихъ обязывается идти въ походъ безъ послушанія (№ 52, 54, 56, 60). По этому поводу Чичеринъ справедливо замѣчаетъ ¹⁾, что „когда державы заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ мѣстныхъ расчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу—все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное превосходство одного князя надъ другимъ ²⁾... Такъ же какъ въ другихъ случаяхъ, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или другаго князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ на родственной лѣстницѣ ³⁾).

Впрочемъ естественно, что въ дѣйствительности, въ фактическомъ примѣненіи этого условія о „единеніи“, вел. князю, какъ болѣе сильному и имѣвшему болѣе случаевъ къ проявленію своего честолюбія или къ оборонѣ своего положенія отъ другихъ великихъ князей, чаще должны были представляться и случаи требованія отъ удѣльныхъ князей исполненія ихъ обязательствъ, чѣмъ послѣднимъ —отъ вел. князя, а отсюда, понятно, обязательство единенія постепенно должно было облечься въ форму „службы“ удѣльнаго князя великому, хотя въ принципѣ здѣсь былъ лишь обмѣнъ услугъ двухъ независимыхъ государей. Впрочемъ съ попытками сильныхъ князей ограничить самостоятельность слабыхъ и подчинить ихъ своей волѣ мы встрѣчаемся съ глубокой древности, и эти попытки относились всегда не къ вопросамъ внутренняго управленія, а внѣшнихъ сношеній ⁴⁾,—слабѣйшій князь, сохраняя за собою свои владѣльческія права и даже во-

¹⁾ Опыты стр. 329.

²⁾ Хотя впрочемъ здѣсь отчасти опредѣлялся и размѣръ военной помощи: само собою разумѣется, что съ самимъ княземъ выходило всегда больше войска, чѣмъ съ его воеводой.

³⁾ Ср. впрочемъ Сергѣевича II, 187 сл.

⁴⁾ Сергѣевичъ, II, 176, 178 сл.

енное управленіе, въ области внѣшнихъ сношеній утрачивалъ право самостоятельной политики и становился простымъ исполнителемъ чужихъ намѣреній. Систематическое же подчиненіе внѣшнихъ сношеній удѣльнаго князя политикѣ вел. князя мы находимъ лишь со временъ Пвана III ¹⁾, а до него принципиально ограничены были права удѣльныхъ князей въ области внѣшнихъ сношеній лишь воспрещеніемъ сношенія съ Ордою, но и это ограниченіе мы видимъ не только въ Московскомъ, но и въ Тверскомъ и Рязанскомъ вел. княженіи.

Переходя затѣмъ къ вопросу о внутреннемъ управленіи, мы уже замѣтили выше, что великій и удѣльные князья управляли своими удѣлами независимо другъ отъ друга и полновластно: въ договорахъ мы постоянно встрѣчаемъ условіе не вступаться въ удѣлы другъ друга ²⁾. Эта формула взаимной независимости вел. князя и удѣльнаго во внутреннемъ (даже военномъ) управленіи ихъ княжествами и владѣніями (вотчинными, удѣльными и пожалованными) сохраняется и въ договорахъ Василя Васильевича Темнаго съ удѣльными князьями Московской династіи.

Помимо обычной формулы обязательства вел. князя „печаловаться отчинами“ князей удѣльныхъ, мы находимъ и въ договорныхъ грамотахъ Василя Темнаго съ удѣльными князьями обычную болѣе или менѣе подробную формулировку ограниченія его правъ относительно ихъ удѣловъ, съ одною разницею, что въ однихъ договорахъ эти ограниченія редактированы короче ³⁾, въ другихъ пространнѣе ⁴⁾.

¹⁾ Сергѣевичъ, II, 184 сл.

²⁾ Въ частности: въ удѣлы другъ къ другу не вступаться, приставовъ своихъ не всылать, судовъ не судать, дани не брать, грамотъ жалованныхъ не давать, закладней и оброчниковъ не держать, сель не покупать. С. Г. Гр. и Д. №№ 75, 78—81, 84, 85 и т. д. Мы намѣренно указываемъ договоры позднѣйшіе—пятидесятихъ годовъ XV в. Ср. впрочемъ Сергѣевича, Русск. юридич. древности, I, 34 сл.

³⁾ Съ Шемякой (№ 52, 54), съ Можайск. княземъ (№ 70, 75).

⁴⁾ Съ Можайскимъ (№ 45), съ Вас. Яросл. боровскимъ (№ 71, 78, 84). Впрочемъ большая или меньшая подробность перечисленія ограниченій не имѣетъ особеннаго значенія и изъ нея невозможно дѣлать заключеній о большемъ или меньшемъ вліяніи князя на чужой удѣлъ. Такъ въ договорахъ съ Шемякой перечисляются ограниченія власти вел. князя, а въ договорахъ съ его отцомъ Юріемъ говорится только, чтобы отчину его блюсти и не вступаться въ нее, а между тѣмъ Юрій былъ въ болѣе выгодномъ положеніи относительно вел. князя, чѣмъ его сынъ. Другой примѣръ—договоры Владиміра Андреевича съ Донскимъ,

„Полная политическая особность волостей есть наша древность,— говоритъ проф. Сергѣевичъ. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ правомъ въ теченіи многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія, а отдѣльныя княженія существуютъ у насъ еще въ XVI в. Московскіе вел. князья начинаютъ вводить нѣкоторыя ограниченія власти владѣтельныхъ князей, своихъ сосѣдей, но ограниченія эти касаются внѣшнихъ сношеній князей, а не внутренняго управленія ихъ княжествами. Изъ вопросовъ внутренняго управленія ограниченію подвергается только право чеканки монеты, но это ограниченіе возникаетъ лишь въ началѣ XVI в. и только въ примѣненіи къ удѣламъ сыновей вел. кн. Ивана Васильевича“¹⁾.

Сохраняется, наконецъ, и при Василии Темномъ стародавній, подкрѣпляемый договорами, обычай разбирательства взаимныхъ споровъ и несогласій между великими князьями и между жителями разныхъ княжествъ посредствомъ третейскаго суда,—обычай, опять-таки свидѣтельствующій о независимости удѣльныхъ князей отъ князя великаго²⁾.

Затѣмъ, что касается мнимаго стремленія Вас. Темнаго уничтожить, фактически или юридически, удѣльныя княженія, учрежденныя его отцомъ и дѣдомъ, то хотя во всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ во владѣніяхъ князей за его княженіе рѣшающее значеніе имѣло исключительно право сильнаго,—кто былъ сильнѣе, тотъ и бралъ удѣлы,—однако ни одинъ удѣлъ не присоединенъ при немъ къ Москвѣ безъ того, чтобы для этого не было вполнѣ естественныхъ причинъ: у Василия оспаривали великое княженіе и переданное ему по на-

гдѣ подробно перечислены ограниченія, (— мы находимъ ихъ въ послѣдствіи и въ договорахъ его внука Василия), хотя Владиміръ поставленъ былъ въ большую зависимость отъ вел. князя, чѣмъ кто либо изъ другихъ удѣльныхъ князей. „Можно думать,—говоритъ Сергѣевичъ,—что подробныя ограниченія дѣлались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было слабѣйшему князю оградиться отъ сильнѣйшаго и что, притомъ, въ этомъ случаѣ значительную роль играли личныя отношенія договаривающихся князей и что условіе, внесенное въслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ съ какимъ нибудь княземъ, сохранялось и въ послѣдующихъ договорахъ съ нимъ и съ его потомствомъ, если не было нужды измѣнять его“.

¹⁾ Сергѣевичъ, Русск. юрид. древности I стр. 37; то же II, 190.

²⁾ С. Г. Гр. и Д. № 45, 46, 49, 52, 54, 60, 61, 64, 71, 78. Принципъ третейскаго суда мы находимъ напр. для разрѣшенія споровъ московскихъ князей съ тверскими (тамъ-же № 28).

слѣдству политическое, государственное старшинство, и онъ и его бояре лишь отстаивали завѣщанныя ему права. Вообще говоря, Василий Темный, если у него даже предполагать политическое намѣреніе лишить удѣльныхъ князей тѣхъ правъ, которыми они пользовались при его отцѣ и дѣдѣ, былъ не въ такомъ положеніи, чтобы имѣть возможность осуществить подобные замыслы за все время отъ вступленія его на великое княженіе и до смерти Шемяки, и лишь въ послѣдніе девять лѣтъ его княженія (съ 1453 до 1462 г.) у него руки были развязаны.

Если мы затѣмъ обратимся къ судьбамъ удѣльныхъ княжествъ при Темномъ, то увидимъ, что 1) *Дмитровъ и Уличъ* присоединены къ Москвѣ какъ выморочные удѣлы послѣ смерти Петра и Константина Дмитриевичей. Мы видѣли уже, что по удѣльному строю, установленному со временъ Ивана Калиты, наследованіе въ удѣлахъ установлено было въ прямой нисходящей линіи; этотъ порядокъ утвержденъ былъ и договоромъ Василия Дмитриевича съ братьями Петромъ и Андреемъ ¹⁾. Слѣд. формально Василий Васильевичъ не былъ обязанъ передавать этотъ удѣлъ своимъ дядьямъ. Дмитровъ перешелъ, правда, вмѣстѣ со всѣмъ удѣломъ Петра Дмитриевича нѣсколько лѣтъ спустя по смерти послѣдняго, въ 1432 г., къ Юрію Дмитриевичу галицкому по пожалованію хана; но въ слѣдующемъ уже году Юрій при примиреніи своемъ съ вел. княземъ отказался отъ этого пожалованія ²⁾. Вновь захвативъ въ 1434 г. великокняжескій столъ, Юрій вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ, конечно, и Дмитровъ. Отъ него Дмитровъ перешелъ къ тоже предъявившему притязанію

¹⁾ С. Гр. и Д. I № 37. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ интересахъ удѣльныхъ князей было наследованіе и въ прямой, и въ боковыхъ линіяхъ (въ случаѣ бездѣтной смерти князя), чтобы не уменьшались удѣлы. Поэтому этотъ порядокъ наследованія мы находимъ въ духовныхъ Владиміра Андреевича (№ 40) и Юрія Дмитриевича (№ 51). Въ интересахъ же вел. князей Московскихъ было наследованіе въ удѣлахъ лишь по прямой нисходящей линіи. Такой порядокъ наследованія (прямого) проф. Сергѣевичъ (Р. Юр. Др. II, 148, 234 сл. 243 сл. и 296 сл.) считаетъ даже нормальнымъ, хотя можно указать на историческій примѣръ, что даже въ 1472 г. удѣльные князья братья вел. князя Ивана Васильевича „разгнѣвахуся на него, что (послѣ смерти брата Юрья) не далъ имъ жеребья въ его удѣлѣ“. Ихъ примирила мать, склонившая Ивана къ падѣленію братьевъ новыми владѣніями. (См. Воскр. лѣтоп. 1472 и 1473 г. и С. Г. Гр. № 97, 99, 106, 110).

²⁾ С. Г. Гр. Д. № 49—50, стр. 100, 102—1433 г.: „А что есмь взялъ царевъ ярлыкъ на Дмитровъ, и тотъ ми ярлыкъ тобѣ дати“.

на великокняженіе сыну его, Василию Юрьевичу Косому звенигородскому, а послѣ бѣгства его и возвращенія на вел. княженіе Василья Васильевича—Дмитровъ и Звенигородъ опять отошли къ Москвѣ и этотъ переходъ признанъ братьями Косаго Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ въ договорѣ съ вел. княземъ ¹⁾. Въ силу мирнаго договора съ Косымъ 1435 г. вел. князь въ замѣнъ отказа его отъ притязаній на вел. княженіе возвратилъ ему Дмитровъ ²⁾. Но въ 1436 г. Косой прислалъ вел. князю разметныя грамоты, т. е. разорвалъ миръ и Дмитровъ по тому самому долженъ былъ опять перейти къ вел. князю,—который опять передалъ его Василию Ярославичу и т. д.

2) Удѣльное княженіе *Можайско Верейское* было признано Василіемъ Васильевичемъ при вступленіи его въ вел. княженіе за Андреемъ Дмитріевичемъ, а послѣ его смерти — за его сыновьями Иваномъ и Михаиломъ ³⁾, при чемъ вел. князь обязывался жаловать ихъ и печаловаться ими и ихъ вотчинами, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ по душевной грамотѣ отца своего вел. кн. Дмитрія Ивановича, и жить съ ними по грамотѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича и того подъ ними блюсти, а не обидѣть, не вступаться ни самому, ни дѣтямъ вел. князя подъ ихъ дѣтьми. Изъ двухъ братьевъ Андреевичей Михаилъ Верейскій постоянно былъ въ милости у Василя, а Иванъ Можайскій если и лишенъ въ 1454 г. удѣла, то по причинѣ весьма, по тому времени, уважительной—„за неисправленіе“,—онъ постоянно переметывался на сторону враговъ Темнаго и нарушалъ заключенные съ вел. княземъ договоры ⁴⁾.

3) *Галичъ* присоединенъ къ Москвѣ въ 1450 г., послѣ пораженія, нанесеннаго Шемякѣ; до этого же времени существуетъ нѣсколько договоровъ Темнаго съ Юрьемъ Дмитріевичемъ и съ Дмитріемъ Шемякою, въ которыхъ Темный признавалъ Галичъ-Звенигородъ ихъ независимымъ удѣльнымъ княженіемъ. (Звенигородъ былъ присоединенъ къ Москвѣ по заявленіи Василіемъ Косымъ притязаній на великое княженіе. Тогда (въ замѣнъ Звенигорода?) Шемяка получилъ (1434 г.) отъ Вас. Васильевича удѣлъ (выморочный) Конст. Дмитріевича—Ржевъ

¹⁾ С. Г. Г. и Д. № 54—55, стр. 113, 116.

²⁾ С. Г. Г. и Д. I № 52—53; А. Арх. Эксп. I № 29.

³⁾ С. Г. Г. и Д. № 46; договоръ не 1433 г., а 1432 года, когда вопросъ о вел. княженіи не былъ еще рѣшенъ. Тоже № 61—1445 г., № 69 и 70—1448 г.

⁴⁾ См. факты, собранные у Экземплярскаго (Вел. и удѣльные князья II, 325—327). Онъ и послѣ бѣгства въ Литву замышлялъ о вел. княженіи. Ср. впрочемъ и С. Г. Гр. и Д. стр. 172 и 174.

и Угличъ и нѣсколько селъ). Отношенія къ Шемякѣ опредѣляются договорами съ нимъ Василия Васильевича такъ: „А держати ти меня вел. князя въ старишинствѣ, какъ держалъ моего отца, вел. князя Василия Дмитріевича твой отецъ, князь Юрьи Дмитріевичъ... а мнѣ вел. князю тебя держати, какъ отецъ мой кн. вел. Василий Дмитріевичъ держалъ своево брата молодшаго, твоего отца кн. Юрія Дмитріевича, въ братствѣ и во чести безъ обиды, по докончальнымъ грамотамъ, и жаловати ми тебя и печаловати ми ся тобою и твоею отчиною, чѣмъ благословилъ тебя твой отецъ,... также и тѣмъ, чѣмъ, брате, язъ тебя пожаловалъ“¹⁾. Затѣмъ, для характеристики отношеній Василия Васильевича къ галицкимъ князьямъ любопытенъ терминъ, примѣняемый къ нимъ въ ихъ взаимныхъ договорахъ, именно, терминъ „господарей“, несмотря на ихъ подчиненное относительно вел. князя положеніе. Терминъ этотъ мы находимъ не только въ договорахъ съ Юріемъ, но и съ Шемякою²⁾.

4) Наконецъ, *Серпуховомъ и Боровскомъ* спокойно и независимо³⁾ владѣлъ съ 1427 года Василий Ярославичъ, постоянно пользовавшійся расположеніемъ вел. князя; но въ 1456 г. онъ замыслилъ какую то „крамолу“ противъ Темнаго; удѣлъ у него отнять и онъ умеръ въ заключеніи при *Иванѣ III*. Во всякомъ случаѣ обстоятельства, при какихъ присоединено къ Москвѣ *Серпуховское княжество* неизвѣстны. Сергѣевичъ⁴⁾ полагаетъ, что присоединеніе это было дѣломъ столь же несправедливымъ, какъ и присоединеніе Суздальско-Нижегородскаго княженія при Василии Дмитріевичѣ, „но — говоритъ онъ, — Московское государство и не могло образоваться безъ нарушенія существующихъ правъ“. Совершенно вѣрно. Но безъ нарушеній существующихъ правъ не образовалось вообще ни одно государство Европы. Что же касается въ частности разсматриваемаго нами случая, то мнѣніе проф. Сергѣевича, что „вся вина Василия Ярославича заключалась въ его наслѣдственныхъ правахъ“, весьма быть можетъ правдоподобное, не можетъ быть однако обосновано никакими положительными историческими свидѣтельствами. Дѣйствительно, въ 1428 г.

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. I № 54—60, стр. 116, 131 и др.

²⁾ „И кто кому служить, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ“. (№ 52 и слѣд.).

³⁾ С. Г. Гр. и Д. № 45=1433 г., № 71—74=1448 г., № 78—79=1451 г. Несмотря на то, что по договору 1433 г. онъ признавался относительно вел. князя «братомъ младшимъ и сыномъ».

⁴⁾ Русск. юрид. древности, стр. 68.

Василій Васильевичъ (и его совѣтчики — ему было 13 лѣтъ) признавалъ права внуковъ Владиміра Андреевича на ихъ отчину: въ договорѣ съ Юрьемъ онъ обязываетъ его блюсти ихъ отчину, не вступаться и не обидѣть. Хотя изъ договора съ самимъ Василиемъ Ярославичемъ видно, что вел. князь „не додалъ ему“ нѣкоторыхъ волостей его дѣдины (Углича, Козельска, Алексина и др.), отказанныхъ Владиміромъ Андреевичемъ дядьмъ Василю Ярославича и захваченныхъ послѣ ихъ смерти Василиемъ Васильевичемъ ¹⁾, но изъ упомянутого нами договора съ Василиемъ Ярославичемъ (которому тогда было 17 лѣтъ) и изъ послѣдующаго поведенія Серпуховскаго князя относительно Василя Васильевича (особенно въ 1446 г., послѣ ослѣпленія послѣдняго) видно, что вопросъ объ этомъ наслѣдствѣ былъ мирно улаженъ, и великій князь даже вознаградилъ Василя за эту недодачу, давши ему Дмитровъ и Вышгородъ.

Мы сказали, что Василій Темный поотобралъ удѣлы у нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей въ видѣ наказанія за различныя ихъ неисправленія по отношенію къ нему и находимъ возможнымъ утверждать, что именно такого рода фактическая расправа вполне соответствовала политическому строю и духу времени и что помимо этого мотива нѣтъ никакой надобности искать еще какихъ то высшихъ политическихъ соображеній и цѣлей у Василя для объясненія его объединительной будто бы политики.

Въ самомъ дѣлѣ, весь строй междукняжескихъ отношеній покоится на принципѣ братства, и слѣд. идеальнаго равенства; великій князь, какъ таковой, пользуется лишь нравственными привилегіями старшаго брата; нравственной обязанности младшихъ братьевъ держать его во чти и безъ обиды соответствуетъ такая же обязанность его по отношенію къ нимъ. Затѣмъ *юридическія* и *политическія* отношенія между ними опредѣляются соответственно этому принципу идеальнаго братства взаимными между ними договорами. Понятно, что при такихъ условіяхъ о *правѣ наказанія* вел. князя относительно удѣльныхъ не могло быть и рѣчи, — юридически такого права онъ не имѣлъ. Но фактически этотъ терминъ къ разсматриваемымъ нами явленіямъ политическихъ отношеній Темнаго къ удѣльнымъ князьямъ вполне

¹⁾ Точно то-же явленіе, какъ и съ удѣломъ бездѣтно умершаго князя Петра Дмитриевича. Замѣтимъ, что переходъ удѣловъ по наслѣдству исключительно въ прямой нисходящей линіи, а въ случаѣ отсутствія прямыхъ нисходящихъ — присоединеніе ихъ къ вел. княженію окончательно узаконенъ духовнымъ завѣщаніемъ Ивана III.

примѣнимъ. Дѣло въ томъ, что пересматривая *все* княжескіе договоры до временъ Темнаго включительно, мы ни въ одномъ изъ нихъ не находимъ никакихъ постановленій касательно обезпеченія ихъ соблюденія и исполненія. Какъ бы нравственною гарантіею служило иногда посредничество митрополита при заключеніи договора, но какъ извѣстно, духовенство не стѣснялось иногда и освобожденіемъ князей отъ соблюденія договорной присяги¹⁾. Лишь во вторую половину княженія Темнаго,—слѣд. послѣ того какъ онъ уже испыталъ цѣлый рядъ нарушеній договоровъ со стороны князей удѣльных, — мы видимъ съ его стороны попытку оградить себя отъ новыхъ подобныхъ же нарушеній болѣе дѣйствительными и внушительными мѣрами, именно—внесеніемъ въ договоры (1447 г.) съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ (со стороны котораго онъ испыталъ особенно мною „неисправленій“) условія, что на виноватомъ въ нарушеніи этого договора не будетъ милости Божіей и молитвъ вел. чудотворцевъ и молитвы родителей, а сверхъ того (въ виду, конечно, ненадежности этой нравственной гарантіи) что „кн. вел. Борисъ Александровичъ и кн. Михайло Андреевичъ и кн. Василій Ярославичъ будутъ съ правымъ на виноватаго“²⁾. Дѣйствительно, послѣ бѣгства Ивана Андреевича въ Литву Борисъ тверской заключаетъ съ Темнымъ договоръ³⁾, въ которомъ обязывается: „а што отъ тебе *отступилъ* князь Иванъ Можайской... и мнѣ ко себѣ ихъ не принимати, а быти намъ съ тобою на нихъ за одинъ“⁴⁾. Иначе и быть не могло: удѣльный князь дого-

¹⁾ См. примѣры у Сергіевича II, 200 сл.

²⁾ С. Г. Гр. и Д. №№ 63, 66, 68—69.

³⁾ С. Г. Гр. № 76.

⁴⁾ Сходное по смыслу съ этимъ условіе: „А чего Богъ дастъ достанемъ вотчинъ своихъ недруговъ, и въ то ти ся, брате, не вступати“—въ договорахъ 1448 и 1451 г. Темнаго съ Васи́ліемъ Ярославичемъ (С. Г. Гр. № 71 — 74, 78—79). Также въ договорахъ 1462 и 1484 г. Ивана III съ Михаиломъ Борисовичемъ тверскимъ находимъ условіе (впрочемъ—взаимное): „также намъ... хто згрубитъ изъ нашіе братья изъ молодшии или хто ни будетъ нашъ лиходѣй, и тебѣ... и твоей братьѣ молодшей къ себѣ ихъ не принимати, а быти вамъ съ нами... на нихъ вездѣ за одинъ“. (Собр. Гос. Гр. и Д. стр. 213, 294). Впрочемъ примѣры обезпеченія соблюденія договоровъ угрозою отобранія владѣній бывали и въ болѣе древнія времена. Такъ въ XII в. (Ипатск. лѣтоп. подъ 1177 г.) кн. Святославъ Всеволодовичъ черниговскій говоритъ Роману Ростиславичу смоленскому по поводу нарушенія договора о союзѣ Давыдомъ Ростиславичемъ: „брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ власть, а мужъ — у голову, (т. е. если князь измѣ-

воромъ обязывался держать великаго князя и великое княженіе „честно и грозно“, „добра хотѣть вел. князю во всемъ вездѣ безъ хитрости“, быть съ нимъ заодно противъ его недруговъ, оберегать его отъ нихъ и не канчивать съ ними безъ его вѣдома ¹⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ удѣльный князь не подчиненъ великому, — вел. князь не имѣетъ надъ нимъ права суда, не можетъ *наказывать* его за неисполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. При такихъ условіяхъ и недостаточности указанныхъ нами гарантій исполненіе обязательствъ вполне зависѣло отъ личныхъ отношеній князей и первая половина великокняженія Темнаго представляетъ поэтому цѣлый рядъ нарушеній договоровъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ единственною дѣйствительною мѣрою къ ихъ обезпеченію являлась фактическая матеріальная сила, что нарушеніе договора вызывало, за отсутствіемъ высшей власти, расправу при помощи физической силы, которая, понятно, въ большинствѣ случаевъ оказывалась на сторонѣ вел. князя ²⁾.

Мы впрочемъ готовы даже допустить, что послѣ смерти своего главнаго противника Шемяки Василій Васильевичъ не былъ особенно разборчивъ въ изысканіи способовъ къ окончательному утвержденію своему на великокняжескомъ столѣ. Возможно даже, что и вышеуказанные нами договоры его съ Борисомъ Александровичемъ тверскимъ и съ Василюмъ Ярославичемъ заключены были имъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ воспользоваться ими (допускаемъ) для отместки при случаѣ хотя бы Ивану Можайскому. Въ такомъ случаѣ необъяснимые *юридически* факты отобранія удѣловъ безъ *видимыхъ* законныхъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ) причинъ могли бы быть объяснены психическимъ моментомъ — Василюмъ могъ дѣйствовать

нить, то лишается волости, а если простой мужъ — то головы), а Давыдъ виновать ⁴⁾.

¹⁾ Все это, какъ мы уже видѣли выше, обыкновенныя условія *всѣхъ* княжескихъ договоровъ разсматриваемаго нами времени.

²⁾ Мы имѣемъ еще договоръ Василюа Темнаго съ кн. Иваномъ Васильевичемъ суздальскимъ 1451 года, въ силу котораго условлено, что въ случаѣ измѣны Ивана великому князю, онъ лишается удѣла. Но этотъ примѣръ къ разсматриваемымъ нами случаямъ не подходитъ, такъ какъ Иванъ Васильевичъ отказался отъ своихъ правъ на суздальско-нижегородское княженіе въ пользу Василюа, а Василюмъ въ награду за это „пожаловалъ“ его этимъ княженіемъ, (съ предоставленіемъ ему даже самостоятельности управленія имъ); такъ что данный случай болѣе подходитъ къ практикѣ отбиранія вотчинъ у служебныхъ князей за переходъ ихъ на службу къ другому князю. (С. Г. Гр. и Дог. № 80—81).

изъ мести, для него могло быть достаточно подозрѣній, доносовъ для того, чтобы обвинить удѣльнаго князя въ неисправленіи и употребить противъ него силу. Но все это примѣнимо лишь къ фактамъ междукняжескихъ отношеній послѣдняго десятилѣтія великокняженія Василя, а никакъ не къ первымъ его временамъ. Замѣтимъ, что и съ титуломъ господаря Василій Васильевичъ впервые выступаетъ въ 1451 г. и то въ договорѣ съ княземъ Суздальскимъ, ставшимъ собственно говоря въ положеніе князя служебнаго, а не удѣльнаго ¹⁾, и что—кто знаетъ?—быть можетъ Василій даже въ этомъ случаѣ лишь *послѣдовалъ* за Шемякою, титуловавшимъ себя на монетахъ, чеканенныхъ вѣроятно въ его непродолжительное великокняженіе „господаремъ земли Русской“ ²⁾.

Итакъ, на основаніи всего вышеизложеннаго мы не можемъ согласиться съ объясненіемъ, которое даетъ г. Карзинкинъ относительно чеканки двуименныхъ монетъ, такъ какъ считаемъ это объясненіе не соответствующимъ историческимъ событіямъ и существовавшимъ, особенно въ первую половину великокняженія Василя Васильевича Темнаго, отношеніямъ между вел. княземъ московскимъ и удѣльными князьями.

Мы полагаемъ, напротивъ, что удѣльные князья не постепенно лишались своего права чеканить монету, а разомъ, и что это случилось именно при Иванѣ III.

Въ самомъ дѣлѣ, при Иванѣ III отношенія вел. князя московскаго къ удѣльнымъ подвергаются значительному измѣненію въ ущербъ послѣднимъ. Испытавъ въ юности своей всѣ неурядицы княжескихъ междоусобій, Иванъ III былъ принципиальнымъ врагомъ удѣльной системы ³⁾. Умудренный этимъ опытомъ и вступивъ на путь, указан-

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. № 80—81.

²⁾ Чертковъ, Описан. русск. монетъ № 471 таб. XXIV ф. 6.

³⁾ Такъ, въ 1489 г. онъ предостерегаетъ Менгли Гирея отъ опасностей междоусобія съ братомъ, ссылаясь на опытъ „дѣдовъ и отцовъ нашихъ: на одномъ юртѣ два осподаря бывали ли? а гдѣ бывали... ино которое добро межъ ихъ было?“ (Сб. Р. Ист. Общ. т. 51, стр. 76). А въ 1496 г., узнавъ о намѣреніи Александра литовскаго дать брату Сигизмунду Кіевъ и другіе города, онъ приказываетъ сказать дочери: „Ино, дочи, слыхалъ изъ, каково было нестроеніе въ литовской землѣ коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала же, каково было нестроеніе при моемъ отцѣ; а послѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьями, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама поминишь“. (Тамъ же т. 35, стр. 224 сл.).

ный ему Софіею и византіяцами, онъ окончательно уничтожилъ самостоятельность удѣловъ, а съ этимъ связано и прекращеніе чеканки удѣльными князьями своей монеты. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ завѣщаніи Иванъ Васильевичъ пишетъ: „А что есми далъ дѣтемъ своимъ меншимъ... городовъ и волостей и селъ, и они то и вѣдаютъ по тому, какъ имъ въ сей грамотѣ духовной писано, а опричь того у сына у моего у Василия ни во что не вступаются; а сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской земли и въ Тѣфѣрской денегъ дѣлати не велятъ, а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василій на Москвѣ и во Тѣери, *какъ было при мнѣ*“¹⁾, а сыновья его Василій и Юрій еще при жизни отца и по его приказанію заключили между собою договоръ, которымъ обязывались между прочимъ „жить по тому, какъ отецъ нашъ въ своей духовной грамотѣ написалъ“²⁾

Нѣкоторые нумизматы³⁾ приписываютъ монеты съ именемъ кн. Ивана Борисовича сыну Бориса Васильевича волоцкого, княжившему съ конца XV в. по 1504 г. Думаемъ, что такое мнѣніе ошибочно. Хотя Борисъ и былъ вотчиннымъ удѣльнымъ княземъ на Волокѣ, Рузѣ и Ржевѣ⁴⁾, но эти города и это удѣльное княжество, насколько можно судить по историческому и политическому значенію ихъ и по дошедшимъ до насъ вещественнымъ нумизматическимъ памятникамъ, никогда не имѣли своей монеты. Намъ неизвѣстны и монеты Бориса Васильевича или могущія быть ему приписаны. Тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы ихъ чеканилъ сынъ Бориса Иванъ, который владѣлъ лишь Рузою. Впрочемъ и Чертковъ, приписывавшій эту деньгу сначала Ивану Борисовичу волоцкому (правильнѣе—рузскому⁵⁾) между прочимъ на основаніи ея легковѣсности, впоследствии поколебался въ этомъ мнѣніи⁶⁾, такъ какъ монета эта была найдена вмѣстѣ съ 50-ю нижегородскими и суздальскими деньгами кн. Данилы и др. и предположительно приписалъ ее на этомъ основаніи Ивану Борисовичу суздальско-нижегородскому. Это мнѣніе мы считаемъ болѣе правильнымъ. Что же касается легкаго вѣса монеты, который смутилъ Черткова, то вѣсъ и Семена Дмитріевича попадаютъ монеты въ 11 долей, т. е.

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. № 144 стр. 397.

²⁾ Договоръ 1504 г. въ С. Г. Гр. и Д. № 133—134.

³⁾ Гр. Чапскій стр. 31 № 141 сл.; Чертковъ № 482 таб. XXV стр. 7 и № 271 т. XV ф. 12; Рейхель.

⁴⁾ См. договоры его съ Иваномъ III въ С. Г. Гр. и Дог., напр. № 97, 110.

⁵⁾ № 271.

⁶⁾ Въ переломъ Прибавленіи къ своему Описанію, № 482.

такого вѣса, который свойственъ лишь деньгамъ второй половины великокняженія Василия Темнаго. Притомъ легковѣсность и низкопробность составляющъ, кажется, отличительную черту суздальско-нижегородскихъ монетъ.

Вообще мы думаемъ, что изъ удѣльныхъ князей при Иванѣ III могъ чеканить монету только Михаилъ Андреевичъ верейскій, ибо въ началѣ великокняженія Ивана III Михаилъ Андреевичъ еще сохраняетъ былую самостоятельность какъ вотчинный удѣльный князь: въ договорахъ съ нимъ 1463 г. Иванъ III обязывается даже не канчивать и не ссылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣданья ¹⁾. Но съ 1483 г. положеніе Михаила значительно повидимому измѣняется, такъ какъ въ договорѣ этого года съ вел. княземъ Верея оказывается уже лишь пожизненнымъ „пожалованіемъ“ Михаилу отъ Ивана ²⁾, и „вотчиною“ вел. князя, на томъ основаніи, что Верея взята была послѣднимъ „въ своей винѣ“ у отбѣжавшаго въ Литву сына Михаила—Василія. Въ силу этого же договора Михаилъ обязался послѣ своей смерти передать свою вотчину и Верею вел. князю. Михаилъ умеръ въ 1486 г., но мы полагаемъ, что съ утратою вотчинныхъ своихъ правъ на Верею, т. е. ок. 1483 г. онъ утратилъ и право чеканки своей монеты.

Что же касается другихъ удѣльныхъ княжествъ, князья коихъ пользовались несомнѣннымъ правомъ чеканки монетъ, то Дмитровъ, Можайскъ и Серпуховъ отказаны были Василиемъ Темнымъ сыну своему Юрію. Монетъ его, однако, неизвѣстно. Возможно, что получивъ эти города въ удѣлъ отъ отца, вел. князя Московскаго, онъ уже не могъ пользоваться правомъ, которое принадлежало прежнимъ вотчиннымъ удѣльнымъ князьямъ. Во всякомъ случаѣ послѣ смерти Юрія въ 1473 г. всѣ его владѣнія были присоединены Иваномъ III къ Москвѣ и хотя въ 1481 г. онъ и „пожаловалъ“ Можайскъ своему младшему брату Андрею углицкому ³⁾, но будучи жалованнымъ, а не вотчиннымъ княземъ Можайскимъ, Андрей опять-таки не могъ чеканить монеты.

Таковы историческія и историкоюридическія соображенія, на основаніи которыхъ мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, какое даетъ двуименнымъ монетамъ г. Карзинкинъ въ своемъ изслѣдованіи.

Обращаемся собственно къ нумизматической части выводовъ А. А. Карзинкина.

¹⁾ С. Гр. и Д. № 90—91.

²⁾ С. Гр. и Д. № 118.

³⁾ С. Гр. и Д. № 108.

Изъ разсмотрѣнія 19 разныхъ чекановъ двуименныхъ денегъ, авторъ опредѣляетъ періодъ ихъ чеканки приблизительно въ 37 лѣтъ съ 1425 г.—восшествія на престолъ Темнаго, по 1462 г.—его кончины.

При этомъ авторъ замѣчаетъ ¹⁾: „До насъ дошла двуименная монета съ именемъ Семена Владиміровича Серпуховскаго, умершаго осенью 1425 г.; въ февралѣ же этого года Темный взшелъ на престолъ, слѣд. первыя двуименныя деньги, по крайней мѣрѣ съ Серпуховскимъ княземъ, начались чеканиться въ теченіи первыхъ 9 или 10 мѣсяцевъ по вступленіи Василя на престолъ“. Съ этимъ мнѣніемъ автора мы вполне согласны, несмотря на то, что авторъ упустилъ изъ виду деньги бывшей коллекціи Брыкина ²⁾ съ надписями:.... *Князь Василен Дм на лиц. и Князь Ондръи Дмитр* на оборотной сторонѣ.

Мы не видали этой монеты и намъ неизвѣстно, гдѣ она въ настоящее время находится; никому изъ московскихъ нумизматовъ подобной монеты также не попадалось; поэтому къ этому нумизматическому свидѣтельству нужно относиться съ крайней осторожностью. При всемъ томъ однако имѣть въ виду возможность дѣйствительнаго существованія двуименныхъ монетъ Василя Дмитріевича необходимо, такъ какъ мы не имѣемъ права безъ всякихъ основаній отрицать достоверность показанія весьма, по слухамъ, опытнаго покойнаго нумизмата. Но допустивъ ея дѣйствительное существованіе, пришлось бы отнести первые приступы къ ограниченію правъ удѣльныхъ князей къ великокняженію Василя Дмитріевича, а для такого предположенія не имѣется никакихъ рѣшительно историческихъ данныхъ.

Итакъ, повторяемъ, несмотря на этотъ недосмотръ автора, мы можемъ пока согласиться съ его первымъ выводомъ о совпаденіи начала чеканки двуименныхъ денегъ съ началомъ великокняженія Василя Васильевича. Но мы не можемъ согласиться съ выводами послѣдующими. Именно, на основаніи обзорѣнія 19 типовъ двуименныхъ монетъ Василя Темнаго съ князьями: Юріемъ Дмитріевичемъ галицкимъ, съ Дмитріемъ Шемякою, съ Андреемъ Дмитріевичемъ можайскимъ и его сыномъ Иваномъ Андреевичемъ, съ Семеномъ Владиміровичемъ серпуховскимъ и съ Александромъ (Федоровичемъ ярославскимъ?) авторъ дѣлаетъ выводъ (стр. 11), что „удѣльные князья пользовались правомъ чеканки самостоятельной монеты до Василя Темнаго,—на нихъ вліяніе Москвы отражалось только на ихъ вѣсѣ и типахъ, близко подхо-

¹⁾ Стр. 9.

²⁾ Описана во 2-мъ дополн. къ Нумизматич. изслѣд. Сонцова на стр. 51 подъ № 41.

щихъ къ вѣсу и типамъ современныхъ Московскихъ монетъ; съ перваго же года княженія Василя Темнаго начала чеканиться двуименная монета, которая не только представляла собою точную копію съ Московской, но на которой, вмѣстѣ съ именемъ удѣльнаго князя, мы видимъ и имя великаго князя Московскаго. На основаніи нумизматическаго матеріала можно заключить, что такія деньги чеканились во всѣхъ (?) удѣлахъ Москвы, а потому можно предположить, что двуименныя или т. наз. союзныя деньги представляютъ собою вещественное подтвержденіе приведенныхъ мною фактовъ историческихъ. Великій князь Московскій, задумавъ отнять у удѣльныхъ князей право чеканить монету, сдѣлалъ это не сразу, и въ переходное время (принимая во вниманіе смуты и распри, которыми полна первая половина княженія Вас. Васильевича) ограничился лишь принужденіемъ удѣльныхъ князей чеканить монету со своимъ великокняжескимъ клеймомъ. Къ концу княженія Василя Васильевича удѣлы Московскіе вошли въ составъ московскаго великаго княжества и имена Московскихъ удѣльныхъ князей болѣе не появляются на монетахъ⁴.

Въ этомъ разсужденіи прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что начало подчиненія т. сказ. удѣльной монетной чеканки Москвѣ авторъ относитъ къ первымъ смутнымъ годамъ княженія Темнаго, т. е. къ такому времени, когда менѣе всего можно было бы ожидать какихъ либо нововведеній въ смыслъ большаго подчиненія удѣльныхъ князей вел. князю Московскому. Въ особенности такое предположеніе было бы неумѣстно въ примѣненіи къ Юрію Дмитріевичу, который не только открылъ враждебныя дѣйствія противъ Василя, но даже въ мирномъ договорѣ съ Василиемъ (1425 г.) обязался лишь не искать великокняжескаго стола самолично, а только черезъ хана съ тѣмъ, что кого изъ нихъ ханъ пожалуетъ великимъ княженіемъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ¹). Но даже сдѣлавши для него исключеніе и предположивъ, что двуименныя монеты его чеканены не ранѣе 1428 г., когда онъ призналъ Василя Васильевича великимъ княземъ²), все таки мнѣнія, высказываемыя авторомъ, либо прямо противорѣчатъ фактамъ, либо вызываютъ серіозныя возраженія.

¹) П. С. Р. Л. VIII, 93.

²) С. Г. Гр. и Д. П. № 43—44 и не позднѣе 1433 г., такъ какъ по договору этого года (№ 49) Юрій поставилъ условіемъ: „а къ тобѣ ми не ѣздити“. Въ пользу отнесенія двуименныхъ денегъ Юрія къ первымъ годамъ великокняженія Василя говорить и ихъ типъ,—изображеніе на нихъ Геракла (или Самсона), раздирающаго пасть льва.

Такъ, авторъ, увлекшись очевидно правдоподобностью своихъ теоретическихъ соображеній, утверждаетъ, что при Васильѣ Темномъ прекращается право чеканки удѣльными князьями самостоятельной монеты, а между тѣмъ намъ неизвѣстно ни одной двуименной деньги напр. Михаила Андреевича верейскаго (1432—1485), несмотря на то, что онъ вступилъ въ княженіе уже при Василии, а слѣдовательно при этомъ случаѣ было бы весьма удобно подчинить его предполагаемому авторомъ требованію чеканки двуименныхъ монетъ ¹⁾. Затѣмъ, при обзорѣ двуименныхъ денегъ мы натываемся на странное явленіе: существуетъ двуименная монета Юрія Дмитріевича Галицкаго (1389—1434) слѣдовательно, по теоріи А. А. Карзинкина, Галичъ лишень при немъ права самостоятельной чеканки монетъ, а между тѣмъ его сынъ — Дмитрій Шемяка чеканитъ и двуименныя монеты, и самостоятельныя. На это возразятъ, быть можетъ, что Шемяка присвоивалъ себѣ даже великое княженіе? Допустимъ. Но тогда чѣмъ объяснить другой подобный же фактъ: существуютъ двуименныя деньги Андрея Дмитріевича Можайскаго (1389—1432) и вмѣстѣ съ тѣмъ и двуименныя, и самостоятельныя — Ивана Андреевича (1432—1454). Или еще — существованіе, и двуименныхъ и одноименныхъ денегъ Василия Ярославича Боровскаго (1426—1456)? Если одноименныя деньги Ивана Андреевича объяснять тѣмъ, что онѣ чеканены въ одинъ изъ періодовъ вражды его съ Темнымъ или же двуименныя — что онѣ чеканены въ одинъ изъ моментовъ замиренія съ послѣднимъ, то такое толкованіе совершенно непримѣнимо къ Василию Ярославичу, который неизмѣнно оставался вѣренъ Василию Темному, а между тѣмъ двуименныя его деньги крайне рѣдки, а А. А. Карзинкину даже совершенно неизвѣстны ²⁾.

Наконецъ, намъ кажется, что съ нумизматической точки зрѣнія противъ теоріи автора можно привести еще доказательство на основаніи одной двуименной монеты, которую авторъ упустилъ изъ виду. Мы имѣемъ въ виду деньги нѣкогда князя Ивана Васильевича, описанную у Черткова подъ № 279 (изобр. на таб. XVI ф. 9) и у Брыкина въ его „Нумизматическихъ замѣтках“ ³⁾.

¹⁾ Онъ постоянно былъ вѣренъ вел. князю.

²⁾ Такая двуименная денга его (плохой сохранности) описана у Черткова № 79 т. V ф. 2 и Брыкинымъ въ его Нумизматическихъ замѣткахъ (Древности Моск. Археологич. Общ. 1867 стр. 12).

³⁾ Древности Моск. Арх. Общ. 1867, стр. 12.

Въ XV в. мы знаемъ трехъ князей этого имени. Двухъ суздальско-нижегородскихъ и одного ярославскаго: кн. Иванъ Васильевичъ суздальско-нижегородскій (сынъ Василия Кирдяны), умершій въ Москвѣ въ 1417 г., едва ли могъ чеканить монету, даже двуименную, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ объясняетъ г. Карзинкинъ; притомъ легкій вѣсъ монеты, которую мы имѣемъ въ виду, рѣшительно невозможенъ для 1411—1417 г. Остаются за тѣмъ два другихъ Ивана Васильевича: князь ярославскій, сопровождавшій въ 1412 г. вел. кн. Василия Дмитриевича въ Орду и умершій въ 1426 г.¹⁾ и кн. Иванъ Васильевичъ суздальско-нижегородскій, княжившій въ половинѣ XV в. Слѣдуя теоріи г. Карзинкина и на основаніи легкаго вѣса (14 дол.) разсматриваемой нами монеты²⁾ она можетъ быть приписана единственно только кн. Ивану Васильевичу суздальскому, такъ какъ другаго современнаго Темному князя этого имени не было. А между тѣмъ Ивана Васильевича суздальско-нижегородскаго трудно даже признать удѣльнымъ княземъ, — онъ скорѣе могъ бы быть отнесенъ къ разряду князей служилыхъ, хотя онъ и пользовался самостоятельностью во внутреннемъ управленіи своимъ удѣломъ. Извѣстно, что еще въ 1390 г. в. кн. Василий Дмитриевичъ овладѣлъ (см. Экземплярскаго) надѣ дѣтми и законными наслѣдниками суздальскаго князя Дмитрія Константиновича всѣмъ его княженіемъ въ составѣ городовъ: Суздаля, Нижняго, Городца, Вятки. Во время борьбы Шемяки съ Вас. Васильевичемъ Шемяка призналъ наслѣдственные права на Суздаль за правнуками Дмитрія Константиновича—Василіемъ и Ѳеодоромъ Юрьевичами (С. Г. Гр. № 62). Имѣло ли это признаніе какое-либо практическое значеніе, сказать трудно. Извѣстно только, что сынъ Василия Юрьевича Иванъ, по договору съ вел. кн. Вас. Васильевичемъ отказался въ 1451 г. (?) отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Суздальское княженіе. Именно, онъ выдалъ вел. кн. московскому всѣ ханскіе ярлыки на Суздаль, Нижній, Городецъ и на все Новгородское княженіе, какіе у него были, и билъ челомъ вел. князю на службу. По этому случаю между ними былъ заключенъ договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ обѣихъ сторонъ, но договоръ неправопорядочный. Условія о братствѣ мы въ немъ не находимъ; Суздальскій князь называетъ Василия *господаремъ*; онъ отказывается отъ всякихъ самостоя-

¹⁾ А по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—въ 1428 г. См. у Экземплярскаго, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси II стр. 92 примѣчаніе.

²⁾ Экземпляръ Черткова, впрочемъ, — судя по его неполному описанію, — плохой сохранности, сѣд. на 14 долевой вѣсъ можно навинуть одну долю.

тельныхъ сношеній съ другими князьями, не приставать къ Шемякѣ и ни къ какому иному недругу Темнаго некоторыми дѣлами и не отступать отъ вел. князя и его сына некоторыми дѣлами; съ своей стороны вел. князь *жалуетъ* его частью его наследственной отчины, общаетъ блюсти эту часть подъ нимъ и подъ его дѣтьми и предоставляетъ ему право суда и управленія, даже военнаго, въ предѣлахъ этой отчины; но за то въ случаѣ нарушенія княземъ своихъ обязательствъ онъ за клятвенарушеніе подвергается „тягости церковной“ и сверхъ того лишается *пожалованнаго* ему удѣла: „а отступлю отъ тебе отъ вел. князя и отъ твоихъ дѣтей къ которому вашему недругу, кто ни буди, ино мой удѣлъ, моя вотчина тобѣ вел. князю и твоимъ дѣтемъ, чѣмъ мя еси пожаловалъ“ ¹⁾.

И несмотря на такое подчиненное, служебное положеніе, Иванъ Васильевичъ чеканить свою, указанную нами выше монету. Мы можемъ возразить, что монета эта двуименная, и слѣд. подтверждаетъ теорію А. А. Карзинкина. На это я отвѣчу — наоборотъ. Если уже Василий Темный имѣлъ въ виду лишить удѣльныхъ князей права чеканки монетъ, то менѣе всего ему было бы основаній церемониться съ Иваномъ суздальско-нижегородскимъ, а слѣд. вмѣсто того, чтобы заставлять его чеканить двуименную монету, онъ имѣлъ полную возможность прямо воспретить ему чеканку какой бы то ни было монеты. Мы вынуждены даже видѣть въ самомъ существованіи такой монеты особую привиллегію, дарованную почему-то Василиемъ Васильевичемъ князю Ивану Васильевичу.

Не болѣе благопріятный для теоріи г. Карзинкина результатъ получится и въ томъ случаѣ, если мы, пренебрегая легковѣсностью рассматриваемой нами монеты, припишемъ ее кн. Ивану Васильевичу ярославскому. Въ пользу этого князя можно привести слѣд. соображенія: Во 1-хъ) онъ былъ княземъ несомнѣнно самостоятельнымъ, хотя и стоявшимъ всегда, насколько можно судить по скуднымъ объ немъ свѣдѣніямъ ²⁾ на сторонѣ вел. кн. московскаго; 2) у Рейхеля подъ № 4366 (изобр. на т. III № 48) описана деньга князя.... Ѳеодоровича, совершенно того же типа, какъ и рассматриваемая нами, но болѣе тяжеловѣсная (17 дол.). Такъ какъ между княженіемъ Ивана Васильевича и его внука Александра Ѳеодоровича прошло не болѣе 8 лѣтъ,

¹⁾ С. Г. Гр. и Д. № 80.

²⁾ Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья сѣв. Руси II, стр. 92 и Маркевичъ, Ярославскіе князья (въ Трудахъ Яросл. археологич. съѣзда, т. II стр. 85).

то возможно допустить преемство типа. Нѣкоторое, и довольно серьезное, сомнѣніе вызываетъ однако вѣсь обѣихъ монетъ — 14 долевой Ивана и 17 долевой предполагаемаго Александра. Какъ бы то ни было однако, если приписать рассматриваемую денѣгу Ивану Васильевичу Ярославскому, то толкованію двуименности его монетъ въ смыслѣ теоріи г. Карзинкина пришлось бы противопоставить тѣ же историческія соображенія, какія мы привели относительно удѣльных монетъ первыхъ годовъ великокняженія Василия Васильевича Темнаго.

Не останавливаясь затѣмъ на толкованіи авторомъ двуименныхъ монетъ Дмитрія Шемяки, сходномъ съ толкованіемъ ихъ г. Турбинымъ въ рефератѣ „о монетахъ В. Кн. Дмитрія Георгіевича“, помѣщенномъ въ Древностяхъ Моск. Археологич. Общества 1887 года ¹⁾, мы опять таки должны сказать, что и нумизматическій матеріалъ, собранный авторомъ, не даетъ достаточно твердыхъ основаній для подкрѣпленія его теоріи, и что слѣд. нужно искать какого либо другаго объясненія чеканки двуименныхъ монетъ.

Мы съ своей стороны полагаемъ, что при разрѣшеніи настоящаго вопроса должно имѣть въ виду слѣдующія соображенія:

1) Сравнительную рѣдкость двуименныхъ денѣгъ, доказывающую, что денѣги эти чеканились въ незначительномъ, сравнительно съ одноименными, количествѣ, что онѣ были монетою, можно сказать, исключительно ²⁾.

2) Характеръ ихъ чекана и типа. Въ этомъ отношеніи мы должны раздѣлить ихъ на двѣ группы: на монеты удѣльныхъ князей первыхъ годовъ великокняженія Василия Васильевича и монеты удѣльныхъ князей, княжившихъ въ послѣдующіе годы его правленія.

а) Большая часть двуименныхъ монетъ удѣльныхъ князей первыхъ годовъ княженія Василия Васильевича—его дядей и опекуновъ: Андрея, Петра и Семена, а также двуименныя Юрія Дмитріевича (которыя могутъ быть отнесены не иначе, какъ къ 1428—1433 г.) значительно отличаются и по внѣшнему виду, и по типу, и по вѣсу отъ одноименныхъ денѣгъ этихъ князей. Объясняется это, конечно, прежде всего тѣмъ, что всѣ эти князья большею частью своего управленія

¹⁾ Т. XI, вып. 3, протоколы стр. 79.

²⁾ Любопытно напр. пропорція двуименныхъ монетъ къ одноименнымъ въ знаменитомъ Рузскомъ кладѣ, описанномъ гр. Толстымъ. Здѣсь на 184 одноименныхъ монетъ Юрія Дмитріевича (20 вар.) оказалось 81 двуименныхъ (10 вар.); на 21 одноименную (16 вар.) Андрея, на 32 (12 вар.) Семена и на 27 Петра—всего по одной двуименной.

были современниками Василия Дмитріевича. Поэтому ихъ монеты, равно какъ и монеты самого Василия Дмитріевича, болѣе тяжеловѣсны (17—23 доли), чѣмъ монеты Василия Темнаго. Эти монеты и по внѣшнему типу совершенно отличаются отъ монетъ Василия Васильевича и потому несомнѣнно должны быть отнесены ко времени ранѣе 1426 года. Двумѣнные же ихъ монеты носятъ совершенно отличный отъ этихъ монетъ характеръ: и по внѣшнему виду, и по вѣсу онѣ приближаются къ монетамъ Василия Васильевича (10—18 дол.). Но того же измѣненнаго типа и вѣса (10—17 дол.) мы находимъ и одноименныя деньги этихъ удѣльныхъ князей ¹⁾. Очевидно, слѣд., что при Темномъ они чеканили не только двумѣнные, но и одноименныя деньги. Подтвержденіемъ этому мнѣнію, основанному на изслѣдованіи внѣшняго характера монетъ удѣльныхъ князей разсматриваемаго періода могутъ служить въ особенности монеты кн. Петра Дмитріевича. Тяжеловѣсныя (сравнительно) одноименныя монеты его въ большинствѣ довольно безобразны и носятъ совершенно своеобразный характеръ; двумѣнные его монеты гораздо правильнѣе по чекану, легче по вѣсу и вполнѣ подходятъ къ типу монетъ Василия Васильевича; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ его же одноименныя монеты совершенно того же типа, какъ его двумѣнные монеты и какъ монеты Василия Васильевича.

Что касается однородности изображеній на двумѣнныхъ монетахъ дядей великаго князя (Андрея, Петра, Семена и Юрія), заключающейся въ изображеніи на нихъ Геракла (или Самсона) раздирающаго пасть льва, то она объясняется приблизительною одновременностью ихъ чеканки. Этому изображенію по всей вѣроятности послужили прототипомъ подобныя же изображенія на делягахъ Василия Васильевича ²⁾, но оно не составляетъ исключительной характерной принадлежности этихъ монетъ, такъ какъ то же изображеніе мы находимъ и на одноименныхъ (легковѣсныхъ) деньгахъ Петра Дмитріевича ³⁾.

Изъ этихъ наблюденій надъ двумѣнными деньгами первыхъ годовъ правленія Василия Васильевича можно сдѣлать одинъ только общій имъ всѣмъ выводъ,—что монеты эти по своему вѣсу и внѣш-

¹⁾ 13—16 дол. Андрея, 11—16 Юрія, 14—17 Петра, 11—16 Семена.

²⁾ Если вѣрить кн. Долгорукову, то типъ этотъ появился впервые на монетахъ Василия Дмитріевича (см. № 32 его описанія неизданныхъ монетъ, впрочемъ плохой сохранности. Вѣсъ—15½ долей).

³⁾ Впослѣдствіи мы находимъ его на монетахъ в. кн. тверскихъ Бориса и Михаила.

нему виду приближаются къ типу монетъ московскихъ великокняжескихъ, а затѣмъ возможенъ другой, частный выводъ, что двуименныя монеты Петра Дмитріевича, равно какъ и его одноименныя монеты того-же типа (т. е. относящіяся къ послѣднимъ годамъ его княженія) чеканены какъ будто другими денежниками, чѣмъ остальные его деньги, что въ виду значительнаго сходства въ рѣзбѣ, формѣ и вѣсѣ этихъ монетъ (какъ двуименныхъ, такъ и одноименныхъ) съ монетами Василія Васильевича, онѣ чеканились вѣроятно московскими денежниками.

Но возможны ли изъ этихъ двухъ нумизматическихъ выводовъ какіе либо дальнѣйшіе *политическіе* выводы касательно отношеній между вел. княземъ московскимъ и удѣльными князьями? — мы въ этомъ сомнѣваемся. Приноровленіе монетной системы удѣльныхъ князей къ системѣ Московской вызывалось не политическими, а просто экономическими и финансовыми условіями, — это единообразіе было необходимо ради практическихъ соображеній гражданскаго торгово-экономическаго оборота. Точно также и предполагаемая нами чеканка Пестромъ Дмитріевичемъ монетъ въ Москвѣ не можетъ быть признана симптомомъ политическимъ, такъ какъ извѣстно, что уже ранѣе кн. Владиміръ Андреевичъ тоже чеканилъ монету въ Москвѣ же.

Мы впрочемъ думаемъ, что въ Москвѣ чеканили монету если не всѣ, то многіе удѣльные князья. Правда, толкуя въ буквальномъ смыслѣ слова завѣщанія Ивана III: „а сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской земли и въ Тверской денегъ дѣлати не велятъ“, слѣдовало бы предположить, что чеканка монетъ удѣльными князьями производилась, говоря современнымъ языкомъ „въ провинціи“. Это весьма вѣроятно, напр. относительно монетъ Ивана нижегородскаго, и нѣкоторыхъ родовъ монетъ Юрія галицкаго, отличающихся отъ московскихъ денегъ даже качествомъ серебра, напоминающимъ низкопробное, сѣрое серебро мордовскихъ поддѣлокъ. Возможно, что и нѣкоторые другіе удѣльные князья чеканили монету по своимъ удѣламъ. Но при всемъ томъ сравнительное наблюденіе нумизматической техники и нумизматическихъ типовъ удѣльныхъ и великокняжескихъ монетъ принуждаетъ насъ допустить чеканку ихъ и нѣкоторыми другими удѣльными князьями (кромѣ Владиміра Андреевича и Петра Дмитріевича) — въ Москвѣ. Такъ напр., если сравнить деньги Ивана Андреевича можайскаго (по Чергкову № 230 таб. XIII ф. 6) съ деньгами Василія Васильевича (по Чергкову № 63 т. III ф. 5 и № 64 т. IV ф. 1), то какъ въ технику, такъ и въ рисунокъ изображенной на нихъ сирены мы найдемъ такое поразительное тождество, а въ рисунокъ всадника такое сходство типа, что мысль не только о единствѣ

мѣста чеканки, но и руки рѣщика невольно должна явиться у всякаго. Нѣчто подобное представляетъ разительное тождество въ смыслѣ техническомъ и художественномъ восточной легенды и рисунка всадника на деньгахъ кн. Михаила Андреевича верейскаго и кн. Василя Ярославича боровскаго (по Чертк. №№ 241 и 269 т. XIV ф. 1 и т. XV ф. 10). Сопоставляя эти деньги съ деньгами Василя Василіевича съ тою же восточною надписью (см. у гр. Толстаго, Три клада № 48—52), приходится опять-таки придти къ тѣмъ же предположеніямъ, — что всѣ эти монеты чеканены въ Москвѣ.

Отсюда, изъ всего сказаннаго мы опять таки приходимъ къ слѣдующему выводу:

Допуская справедливость догадки, высказанной гр. Чапскимъ ¹⁾, что двуименныя монеты удѣльныхъ князей во времена Василя Темнаго чеканились въ Москвѣ, хотя бы московскій характеръ техники въ ихъ чеканкѣ не всегда могъ быть констатированъ съ полною очевидностію, мы однако не можемъ согласиться съ выводомъ, дѣлаемымъ отсюда гр. Чапскимъ и А. А. Карзинкинымъ, что эта чеканка въ Москвѣ удѣльными князьями двуименной монеты служить признакомъ возрастающаго могущества Москвы. Этому противорѣчатъ: 1) фактъ чеканки удѣльными князьями въ Москвѣ и ихъ одноименныхъ монетъ, 2) самостоятельность чеканки ими въ Москвѣ монетъ въ смыслѣ регальномъ—они получали и свободно распоряжались доходами отъ серебрянаго литья и 3) нумизматическая рѣдкость двуименныхъ монетъ, доказывающая, что онѣ чеканились либо короткое время, либо—что мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ—въ весьма ограниченномъ количествѣ.

Чѣмъ же объяснить эту чеканку въ Москвѣ двуименныхъ монетъ? Принимая во вниманіе несомнѣнную чеканку одноименныхъ монетъ въ Москвѣ Владиміромъ Андреевичемъ и вѣроятную—(московскаго типа) Петромъ Дмитріевичемъ и нѣкоторыми другими князьями, мы не можемъ признать одинъ этотъ фактъ достаточнымъ для того, чтобы строить на немъ теорію постепеннаго умаленія права монетной регаліи удѣльныхъ князей. Но, съ другой стороны, мы не можемъ не признаться, что объясненіе интересующаго насъ явленія въ виду крайней скудости свѣдѣній о финансовомъ строѣ Московскаго государства въ XIV—XV в. представляетъ весьма значительныя затрудненія. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что можно указать нѣкоторыя явленія, даю-

¹⁾ Удѣльныя деньги древней Руси стр. 34 прим. къ № 150.

ція возможность высказать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки на этотъ счетъ.

Такъ, до настоящаго времени совершенно неразъясненное явленіе въ нашей нумизматикѣ разсматриваемаго періода представляютъ т. наз. рубли (рубленныя гривны) съ клеймами. Какъ извѣстно, эти т. наз. рубли (слитки серебра среднимъ вѣсомъ въ 20—24 зол.) иногда встрѣчаются безъ всякихъ клеймъ, иногда же носятъ по нѣскольку (до шести) клеймъ ¹⁾, и притомъ не частныхъ, а княжескихъ и, во всякомъ случаѣ, правительственныхъ. Значеніе этихъ клеймъ ²⁾ до настоящаго времени совершенно невыяснено. А между тѣмъ несомнѣнно, что они наклеивались на рублевые слитки не сразу, а постепенно, такъ какъ на нѣкоторыхъ они совершенно отсутствуютъ, а на другихъ встрѣчаются въ неодинаковомъ количествѣ. Отсюда единственно возможный теоретическій предположительный выводъ, что штемпеля эти наклеивались при переходахъ такихъ рублей изъ казны одного князя въ казну другого, что наложеніемъ штемпеля такой хотя и чужой рубль получалъ значеніе какъ бы собственнаго денежнаго знака того князя, чей штемпель на немъ находился, а при нахожденіи на немъ нѣсколькихъ клеймъ превращался въ денежный знакъ, т. сказ., между княжескій ³⁾. Судя по характеру нѣкоторыхъ штемпельныхъ типовъ, эти рубли подобно двумевнымъ деньгамъ, относятся къ XV в. Не возможно ли предположить, что и чеканка двумевныхъ денегъ удѣльными князьями имѣла цѣлю присвоить ихъ удѣльнымъ монетамъ характеръ общемосковский, характеръ монетъ, долженствующихъ имѣть свободное обращеніе во всемъ московскомъ великомъ княженіи?

Впрочемъ возможно и болѣе специальное объясненіе происхожденія этихъ монетъ. Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, Калита отдалъ своимъ тремъ сыновьямъ Москву въ общее владѣніе, съ тѣмъ, что они должны подѣлиться между собою тамгою и иными волостми городскими. Позднѣе сталъ дѣлиться, кажется, и самъ городъ на участки, и во всякомъ случаѣ съ этого времени раздѣльное владѣніе князей московскими доходами, перешедшее къ наслѣдникамъ Калиты подъ названіемъ третей, сохраняется вплоть до Ивана III ⁴⁾. Намъ

¹⁾ См. у Чапскаго № 5—6; у Шуберта, Опис. рус. монетъ изд. 1843 г. стр. 117 № 528 сл. и др.

²⁾ Образцы у Чапскаго № 7—8 и въ цит. у него изданіяхъ.

³⁾ Эта догадка высказана еще Бѣляевымъ въ статьѣ о древнихъ монетахъ системъ на Руси (Чтенія въ Общ. ист. и древн. Росс. 1846 № 3 стр. 24).

⁴⁾ Въ завѣщаніи Калиты мы читаемъ: „Приказываю сыномъ своимъ отчину

неизвѣстны подробности этихъ раздѣловъ Москвы, не знаемъ, какимъ образомъ князья дѣлили городъ между собою, были ли тутъ какія-ни-

свою Москву^а. Въ духовной Ивана Ивановича это условіе пояснено: „Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ кн. Дмитрію и кн. Ивану, а братаничу моему кн. Володимеру (Андреевичу) на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамтѣ и въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что потягло къ городу^а. Далѣе, въ догочорѣ Донскаго съ Владиміромъ (С. Г. Г. и Д. I, 33): „А чимъ мя благословилъ отецъ мой кн. вел. Иванъ въ городѣ въ Москвѣ и въ станѣхъ два жеребья и пошлинъ всѣхъ два жеребья... а чимъ благословилъ тебя отецъ твой кн. Ондрей въ городѣ Москвѣ и въ станѣхъ треть и пошлинъ всѣхъ треть... а коли ему слати свои данщики въ городъ и въ станы, а тобѣ слати свои данщики съ моиими вмѣстѣ^а... Затѣмъ говорится объ обоюдныхъ намѣстникахъ въ Москвѣ (для судебныхъ дѣлъ).—Въ духовной Донскаго (№ 34): „А приказываю отчину свою Москву дѣтямъ своимъ кн. Василью, кн. Юрью, кн. Андрею, кн. Петру; а братъ мой кн. Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отецъ его кн. Андрей. А сына своего кн. Василья благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станѣхъ *моею удѣла* двою жеребьевъ половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ въ городскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина^а. Въ договорѣ Василья Дмитріевича и его братьевъ съ дядею кн. Владиміромъ Андреевичемъ (№ 35): „А чѣмъ мя благословилъ отецъ мой кн. великій и мою братью молодшую двѣма жеребья Москвы... а чѣмъ ты благословилъ отецъ твой и отецъ нашъ кн. великій, отступилъ ты ся треть Москвы... А коли ны будетъ слати своихъ данщиковъ въ городъ и на варю, и тобѣ слати съ нашими данщики своего данщика; а что сберутъ, а тому идти въ мою казну... А городскихъ судовъ и становыхъ, что къ городу тянется, того ми безъ твоего намѣстника не судити, ни тобѣ безъ нашихъ намѣстниковъ не судити^а... Договоромъ съ Владиміромъ Андреевичемъ (№ 38) в. кн. Василій Дмитріевичъ обязался: „А трети ми Московскіе удѣла и потчины брата своего кн. Володимера и его дѣтей... того мнѣ и моимъ дѣтемъ подъ своимъ братомъ и подъ его дѣтми блюсти и боронити^а. Духовная Владиміра Андреевича (№ 40): „А приказываю вотчину свою Москву, свою треть, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, дѣтемъ своимъ, сыну кн. Ивану, кн. Семену, кн. Ярославу, кн. Ондрею, кн. Василью, вѣдаютъ по годошъ... А треть численныхъ своихъ людей въ Москвѣ и въ станѣхъ далъ есмь дѣтемъ своимъ, сыну кн. Ондрею и кн. Василью на помы; а женѣ своей кн. Оленѣ далъ есмь свою треть тамги Московскіе и восьмичее, и гостинное, и вѣсчее, и пудовое, и пересудъ, и *серебрянное мѣте* и всѣ пошлыны Московскіе^а. Послѣ смерти кн. Елены завѣщанныя ей пошлыны Московскія должны перейти къ сыновьямъ: „по ея животѣ чей будетъ годъ Москва вѣдати сына моего, тотъ и тѣ пошлыны вѣдаетъ^а. Духовная поставлена подъ покровительство вел. князя. — Духовная Василія Дмитріевича (№ 41 и 42): „Благословляю

будь особенныя условія, на какихъ основаніяхъ они владѣли напр.

своего сына кн. Василя своею вотчиною, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, третью Москвы и съ пути, своими жеребья. . А княгинѣ своей даю треть тамги Московскіе и всѣхъ пошлнѣ въ городѣ на Москвѣ *свой жеребей*“. — Договоръ в. кн. Василя и Андрея Дмитріевича и Константина Дмитріевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ (№ 43—44): Упоминается завѣщанная Василю отцомъ „отчина въ Москвѣ“ и завѣщанное Донскимъ Юрью „въ Москвѣ“; (Тоже въ дог. № 49 — 50) жить договаривающимся въ Москвѣ по душевной грамотѣ Донскаго. — Договоръ Василя Ярославича съ Василиемъ Васильевичемъ, Константиномъ Дмитріевичемъ, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами (№ 45): упоминается завѣщанное Василью отцомъ „въ Москвѣ“ и удѣлы Владиміра Андреевича (дѣда Василя Ярославича) „треть въ Москвѣ и въ пошлинахъ“... „А коли тебе (вел. князю) въ города на Москвѣ и въ станы въ Московскіе послати своего данщика, и мѣ (Вас. Ярославичу) послати съ твоимъ данщикомъ своего данщика; а что сберутъ данщики наши, и тому ити въ твою казну вел. князя... А что суды потягли къ городу изъ вашихъ волостей и изъ моихъ... и тѣ суды судятъ наши намѣстники по тому жъ, какъ было переже сего... А въ городѣ на Москву послати намъ своихъ намѣстниковъ“. — Договоръ Ивана и Михаила Андреевичей съ Вас. Васильевичемъ (№ 46): Упоминается завѣщанное Андреевичамъ ихъ дѣдомъ Донскимъ „въ Москвѣ“, о житѣ съ вел. княземъ „въ Москвѣ“ по грамотѣ Донскаго и о завѣщанномъ Василью его отцомъ „въ Москвѣ“. — Духовная Юрья Дмитріевича (№ 51): „Приказываю дѣтемъ своимъ Василью, Дмитрею и Дмитрею меньшому вотчину свою въ Москвѣ, свой жеребей, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой кн. вел. Дмитрей Ивановичъ, въ городѣ и въ станѣхъ, и въ пошлинахъ въ городскихъ, и въ тамзѣ, и въ восмичемъ, и въ мытѣхъ свой жеребей тремя сыномъ моимъ на трое“. — Договоры Темнаго съ Шемякой (№ 52—57): „А Москва ти, брате, держати со мною по душевной грамотѣ дѣда нашего вел. кн. Дмитрія Ивановича“. Тоже съ Шемякой и Дмитріемъ Краснымъ (№ 60): „А очины ми (вел. князю) подъ вами наше, чимъ васъ благословилъ отецъ вашъ кн. Юрій Дмитріевичъ своею очиною... также и тымъ, чимъ язъ васъ пожаловалъ, далъ есми вамъ во очину князѣ Константиновъ удѣлъ Дмитріевича... съ Московскими жеребья... а Москва вы со мною держати по дѣда нашего грамотѣ по душевной вел. кн. Дмитрея Ивановича... а того ми всего подъ вами блюсти“. — Договоръ Василя Васильевича Темнаго съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами (№ 61. Тоже № 66 и 69 съ Иваномъ Андреевичемъ): „А чѣмъ благословилъ насъ отецъ нашъ по душевной грамотѣ отца своего, а нашего дѣда вел. князя Дмитрея Ивановича въ Москвѣ... и того ти, кн. велики, подъ нами всего блюсти... А жити намъ съ тобою... въ Москвѣ по душевной грамотѣ дѣда нашего вел. кн. Дмитрея Ивановича“. Тоже взаимно объ удѣлѣ Темнаго въ Москвѣ. — То же въ договорахъ съ Иваномъ Андреевичемъ и Михаиломъ Андреевичемъ (№ 66, 69, 70 и 75) съ прибавленіемъ: „А вотчи-

гостивыми дворами и т. п. ¹⁾, но мы находимъ нѣкоторые намеки по этому вопросу въ завѣщаніи Ивана III. Такъ, вмѣсто прежняго раздѣла тамги московской, онъ отдаетъ ее всю цѣликомъ сыну Василию, обязавъ его лишь выплачивать братьямъ по 100 рублей; далѣе мы находимъ въ духовной и другія финансовыя ограниченія прежнихъ правъ удѣльныхъ князей, напр. часть посадскихъ дворовъ въ городѣ приписана была къ подмосковнымъ селамъ, которыя принадлежали удѣльнымъ князьямъ ²⁾, слѣд. самый городъ дѣлился на отдѣльные

на ми (великому князю) твоя подѣ тобою держати по душевной грамотѣ отца твоего кн. Андрея Дмитріевича^а. — Договоры Темнаго съ Васил. Ярославичемъ (№ 71 — 74 и 78 — 79): „А чѣмъ мене, вел. князя, благословилъ отецъ мой кн. вел. Василій Дмитріевичъ въ Москвѣ (и въ пошлинахъ)... того ти подо мною блюсти... также и въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было при моемъ отци... А что удѣлъ дѣда твоего, князь Володимировъ Андреевича, треть въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было за твоимъ дѣдомъ... и мнѣ, вел. князю, твоего удѣла трети Московскіе... подѣ тобою блюсти и боронити... А коли мнѣ вел. князю въ городѣ на Москвѣ или въ станы въ Московскіе послати своего данщика, и тебѣ послати съ моимъ данщикомъ своего данщика... а што которые суды потягали къ городу... и тѣ суды судятъ наши намѣстники, какъ бывало переже сего... А въ городѣ на Москвѣ послати намъ своихъ намѣстниковъ^а. — Договор. Василия Васильевича съ Вас. Ярославичемъ (№ 78—79, 84—85=1451, 1456): „А чѣмъ мене, вел. князя, благословилъ отецъ мой кн. вел. Василей Дмитріевичъ въ Москвѣ... также и въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было при моемъ отци... и за мною... и тебѣ всего того подо мною и подѣ моими дѣтми блюсти... А что ми далъ Богъ удѣлъ дяди моего князь Юрьевъ Дмитреевича, что есмь взялъ у своихъ недруговъ у княжихъ Юрьевыхъ дѣтей... жеребей князь Юрьевъ въ Москвѣ и со всеми пошлинами... также что есмь былъ подавалъ удѣлъ дяди своего князь Костянтиновъ Дмитреевича волости княжимъ Юрьевымъ дѣтемъ, и то за мною; также что ми далъ Богъ вотчину брата нашего княжу Ивана Андреевича... и въ Москвѣ его жеребей со всемъ съ тѣмъ, какъ было за княземъ Иваномъ Андреевичемъ, и тебѣ того всего подо мною блюсти... А что удѣлъ дѣда твоего князь Володимировъ Андреевича, треть въ Москвѣ и въ пошлинахъ, какъ было за твоимъ дѣдомъ... и мнѣ, князю великому, твоего удѣла трети Московскіе и всего твоего удѣла... подѣ тобою блюсти и боронити^а... Наконецъ, въ духовной Василия Васильевича (№ 86—87) его собственный удѣлъ — треть въ Москвѣ—завѣщанъ сыну Ивану, треть Владиміровская—Юрью и Андрею съ придачею года Константина Дмитріевича, годъ князь Ивановъ Можайскаго—Борису и годъ Петровъ Дмитріевича—Андрею; за тѣмъ $\frac{1}{3}$ тамги Московской Ивану со всеми московскими пошлинами, $\frac{1}{3}$ тамги Володимировой Юрью и Андрею и $\frac{1}{3}$ Борису и Андрею.

¹⁾ См. впрочемъ Чичерина, Опыты стр. 312 слѣд.

²⁾ Напр. въ селцу Сушковскому (С. Гр. и Д. № 136).

участки, которые находились каждый во владѣніи своего князя, но младшимъ сыновьямъ Иванъ III запрещаетъ держать въ ихъ Московскихъ селахъ торги, ставить лавки и позволять останавливаться въ нихъ гостямъ съ товаромъ, — торговля въ этихъ селахъ и пошлины съ нея предоставляются исключительно Василию, а гости должны становиться въ Москвѣ на гостинныхъ дворахъ и младшіе братья его въ гостинные дворы не вступаются ¹⁾. Все это новшества, установленныя Иваномъ III, (на это указываетъ постоянная при нихъ оговорка: „какъ было при мнѣ“), но они служатъ показателемъ того, что было ранѣе. Затѣмъ, несмотря на раздѣльность владѣнія, князья собирали съ Москвы дань вмѣстѣ: когда вел. князь посылалъ своихъ данщиковъ въ Москву и въ станы Московскіе, то и удѣльный третчикъ посылалъ съ нимъ ²⁾ своихъ данщиковъ, а собранная ими сумма поступала въ великокняжескую казну для уплаты выхода въ Орду ³⁾. Наконецъ, князья совладѣльцы Москвы либо сообща творили судъ черезъ своихъ намѣстниковъ, либо судилъ большой намѣстникъ вел. князя, а третчики — намѣстники удѣльныхъ князей — получали только свою часть судебныхъ пошлинъ, — „своего прибытка смотрѣли“.

Наконецъ, въ силу совмѣстнаго владѣнія у вел. князя и третчиковъ вѣроятно и нѣкоторые расходы по Москвѣ бывали общіе. Такъ, въ 1367 г. „князь вел. Дмитрій съ братомъ кн. Володимеромъ Андреевичемъ замыслиша ставить городъ Москву камень, и еже умыслиша, то и сътвориша“ ⁴⁾, по всей вѣроятности — на общій счетъ.

Такимъ образомъ, помимо болѣе крупныхъ расчетовъ съ вел. княземъ московскимъ по платежу татарской дани и другихъ протопей ⁵⁾, у удѣльныхъ князей третчиковъ на Москвѣ должна была быть цѣлая масса мелкихъ денежныхъ расчетовъ съ вел. княземъ. Во избѣжаніе осложненій въ этихъ денежныхъ расчетахъ необходимо было, конечно, установленіе однообразія въ монетныхъ знакахъ удѣльныхъ

¹⁾ С. Гр. и Д. стр. 395, 397.

²⁾ С. Гр. и Д. №№ 33, 35, 45, 71, 78 (стр. 179).

³⁾ Воскресен. Лѣтопись.

⁴⁾ Хотя и здѣсь расчеты иногда сводились не только рублями, но и алтынами и деньгами (см. напр. договоръ въ С. Г. Гр. и Дог. № 123, гдѣ кн. Борисъ Васильевичъ волоцкій обязывается уплачивать Ивану III въ татарскій выходъ „въ 1000 рублей 60 рублей съ рублемъ да 10 алтынъ съ деньгою“). Къ сожалѣнію до насъ не дошло ни одного изъ упоминаемыхъ въ договорахъ „давнихъ свертковъ“ касательно разверстки между князьями татарскихъ расхо-
ходовъ.

князей и великокняжескихъ, а это однообразіе, при несовершенствѣ монетной техники того времени и при общей тенденціи къ пониженію внутреннихъ качествъ денежныхъ знаковъ ¹⁾, понятно, достигалось легче всего чеканкою монеты въ одномъ мѣстѣ, быть можетъ даже одними и тѣми же мастерами, подъ надзоромъ великокняжеской администрации, при чемъ помѣщенное на такой монетѣ имя великаго князя наряду съ именемъ князя удѣльнаго, служило какъ бы удостовѣреніемъ того, что монета дѣйствительно чеканена соответственно вѣсу и качеству монеты великокняжеской. Примѣру удѣльныхъ князей третчиковъ Москвы могли затѣмъ послѣдовать и другіе удѣльные и иные князья.

Принимая это послѣднее толкованіе происхожденія двуименныхъ монетъ, мы избѣгнемъ и тѣхъ натяжекъ, къ которымъ пришлось прибѣгать Турбину и Карзинкину для объясненія двуименныхъ монетъ Дмитрія Шемяки съ именами двухъ великихъ князей, — находящееся на нихъ клеймо вел. князя Василія могло бы быть объяснено, какъ намѣренно сохраненное изъ соображеній финансово-экономическихъ: монета, носящая его, должна была внушать москвичамъ болѣе довѣрія, чѣмъ деньги удѣльнаго князя галицкаго, хотя бы онъ временно и занималъ великокняжескій столъ.

Таковы возможныя, какъ намъ кажется, догадки въ объясненіе двуименныхъ нашихъ монетъ XV в.

В. Уляницкій.

PS. Вышеизложенное было доложено мною въ засѣданіи 24 апрѣля 1893 г. московскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Замѣчанія, высказанныя по этому поводу многоуважаемымъ предсѣдателемъ Общества проф. В. О. Ключевскимъ см. въ протоколѣ сего засѣданія.

¹⁾ Имѣются напр. монеты Юрія Дмитріевича явно по своему виѣшнему виду обличающія низкое качество серебра, изъ котораго онѣ чеканены. У Рейхеля деньга Петра Дмитріевича показана 61 пробы (противъ 85—88 пробъ денегъ Московскихъ по Рейхелю и Шодуару).

DK 511 .M6 U43 C.1
Mezhdunknizheskila otnoshenila
Stanford University Libraries

3 6105 039 819 086

DATE DUE			
NOV 5	1986		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

2854